

Энди
Дорн

Анатомия
предательства
ИЗМЕНА

Энди Дорн

Измена. Анатомия предательства

«Литнет»

2026

Дорн Э.

Измена. Анатомия предательства / Э. Дорн — «Литнет», 2026

Что делать, когда твоя сестра беременна от твоего жениха? Вера выбрала единственно возможный вариант: уехать. Собрала чемодан и исчезла из их жизни. Но через два года она возвращается. Не потому, что простила. Не потому, что соскучилась. Просто в Москве случилось то, что перевернуло ее жизнь. Она думала, что хуже уже не будет. Что самое страшное она уже пережила. Как же она ошибалась.

© Дорн Э., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	39
Глава 15	42
Глава 16	45
Глава 17	48
Глава 18	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Пролог

Я стою перед большим зеркалом в спальне Димы, и шелк свадебного платья скользит по моей коже. Всего три недели осталось до того дня, когда я стану Верой Ковалевой.

В зеркале я вижу счастливую женщину с каштановыми волосами, небрежно собранными в пучок. Моя жизнь наконец-то стала такой, какой я всегда мечтала ее видеть. Отец вчера сказал, что гордится мной, работа в терапевтическом отделении идет хорошо, пациенты выздоравливают, коллеги уважают. А еще у меня есть мой Дима. Сегодня он на дежурстве, спасает жизни.

Мы познакомились два года назад в ординатуре, и я помню тот день так ясно, словно это было вчера. Мы оба пропадали в больнице сутками, когда кофе из автомата казался деликатесом, а часовой перерыв – роскошью. Он подсел ко мне в столовой, улыбнулся устало и спросил: «Вы тоже забыли, когда последний раз спали?». Мы разговорились и проболтали весь перерыв, а на следующий день он уже искал меня глазами в коридоре. Мы начали встречаться через неделю.

Я снова поворачиваюсь перед зеркалом и любуюсь платьем. Представляю, как отец поведет меня по проходу между рядами, как Дима увидит меня в этом платье...

Резкий звонок в дверь прерывает мои фантазии.

Я смотрю на часы: половина девятого. Дима не мог вернуться так рано, у него дежурство до утра. Может, соседи?

Я быстро накидываю халат поверх платья и иду к двери, стараясь не наступить на подол. В глазок я вижу знакомый силуэт, и улыбка сама расплывается на моем лице.

Марина.

Я распахиваю дверь. Моя младшая сестра стоит на пороге в своей черной курточке, с распущенными темными волосами. Она выглядит бледной, но я списываю это на холодный свет подъезда.

– Маринка! Заходи скорее, я как раз примеряю платье! – я беру ее за руку и втягиваю в квартиру, радуясь неожиданному визиту. – Хочу показать тебе, как оно село после последней примерки. Портниха вшила кристаллы в лиф, посмотри, какая красота!

Я сбрасываю халат и снова стою в своем платье, счастливая, что могу поделиться этим моментом с сестрой. Марина всегда была рядом, хоть и младше на три года. Мы росли вместе, делились секретами, переживали первые влюбленности. Я хочу, чтобы она поделилась со мной эту радость.

Но Марина молчит.

Она стоит у двери, и ее карие глаза смотрят на меня странно. Не с восхищением, не с радостью, а с каким-то тяжелым, почти болезненным выражением. Я поворачиваюсь к ней, и улыбка медленно сползает с моего лица.

– Марин, что-то не так? – спрашиваю я, и в моем голосе появляются нотки тревоги.

Она молчит еще несколько секунд, и эта тишина становится какой-то липкой, неправильной. А потом она медленно произносит:

– Я беременна.

Боже, вот это новость! А я уже успела испугаться. Беременность – это же здорово! У Марины никогда не было серьезных отношений, она всегда говорила, что не встретила того самого человека, и вот теперь... Это же чудо, это же прекрасно!

– Маринка! – я делаю шаг к ней, протягивая руки. – Это же замечательно! Поздравляю тебя! А от кого?

Этот вопрос вырывается сам собой. Я хочу знать, кто этот счастливчик, почему она не рассказывала о нем, хочу порадоваться вместе с ней.

Внезапно Марина поднимает глаза и смотрит на меня. В ее взгляде появляется что-то хищное.

– От Димы, – произносит она, глядя мне прямо в глаза.

Я перебираю в голове всех наших общих знакомых. Дима Сергеев из лаборатории? Нет, он женат. Дима Петренко, который работает в травматологии? Тоже не подходит, он старше Марины на пятнадцать лет. Кто еще?

И тут вдруг в голове всплывает еще один Дима.

Мой Дима.

Но ведь это не может быть правдой! Конечно же, есть какой-то другой мужчина с этим простым именем, иначе и быть не может.

– От какого Димы? – спрашиваю я, и мой голос звучит странно, как будто доносится издалека.

Марина продолжает смотреть на меня, и в ее глазах я вижу ответ раньше, чем она произносит его вслух.

– Ты все правильно поняла. Я беременна от Ковалева.

Глава 1

Поезд замедляет ход, и я вижу за окном знакомую водонапорную башню на окраине города. Все внутри сжимается. Два года я не видела этих улиц, этих серых панельных домов, и вот сейчас все это снова здесь, передо мной, как незаживающая рана, которую я пыталась забинтовать расстоянием и временем.

Апрельское солнце пробивается сквозь облака и падает на стекло, превращая его в зеркало. Я смотрю на свое отражение и почти не узнаю себя. Похудевшее лицо с острыми скулами, темные круги под глазами, которые не скрыть никакой косметикой, губы, сжатые в тонкую линию. Только спина прямая, как всегда. Мама говорила: «Вера, надо держать спину прямо, даже когда внутри все рушится». Я держу, мама. Держу изо всех сил, хотя внутри давно ничего не осталось.

Вагон слегка покачивается, и я закрываю глаза, позволяя себе на мгновение вернуться в ту ночь два года назад. Как я стояла в Диминой спальне в свадебном платье, счастливая и глупая, не зная, что через несколько минут моя жизнь разлетится на осколки. Как Марина произнесла, глядя мне прямо в глаза: «Я беременна от Ковалева». Как я сорвала с себя платье, как бежала по ночным улицам, как рыдала в родительской квартире до рассвета, пока телефон разрывался от звонков Димы.

Я не ответила ни на один.

Не дождалась, когда он вернется с дежурства. Не выслушала объяснений. Я просто не могла. Не могла смотреть ему в глаза, не могла слышать его голос, не могла жить в одном городе с ним и с Мариной. Через два дня после той ночи я сидела в поезде до Москвы с одной сумкой, в которой лежали документы, пара смен одежды и мамина фотография.

Отец звонил каждый день. Его голос в трубке был жесткими требовательным: «Вера, ты ведешь себя как ребенок. Марина же маленькая еще, она не понимала, что делает, а ты старшая, ты должна быть мудрее. Ты же знаешь, какая она ранимая, какая чувствительная. Ты не можешь бросить семью из-за этого. Вернись, мы все обсудим».

Я слушала и молчала. Снова и снова слышала одно и то же: Марина маленькая, Марина не виновата, Марина не понимала. А я? Я что, должна была простить? Улыбнуться и поздравить их с будущим ребенком? Прийти на их свадьбу в качестве подружки невесты?

После недели звонков я заблокировала все номера. Отца, Марину, Диму, общих друзей, коллег из больницы. Всех, кто связывал меня с этим проклятым городом. Села в поезд и уехала строить новую жизнь.

В Москве я устроилась в частную клинику «МедВита». Работала по двенадцать часов в день, брала дополнительные смены, заполняла каждую секунду своего времени, чтобы не думать, не вспоминать, не чувствовать. Через полгода главный врач сказал, что я одна из лучших терапевтов в клинике. Через год мне предложили повышение. Я отказалась. Мне не нужна была карьера, мне нужна была анестезия, и работа давала ее мне в полной мере.

Два года я строила новую жизнь. Тщательно выверенную, безопасную, без привязанностей, без боли. Я просыпалась, шла на работу, возвращалась, ложилась спать. И так каждый день, пока не случилось то, что заставило меня уехать.

Поезд окончательно останавливается, и громкоговоритель объявляет прибытие. Я беру свою сумку и выхожу на перрон. Весенний воздух пахнет талым снегом. Я стою посреди толпы встречающих, но никто не ищет меня глазами, никто не машет рукой, не спешит обнять. Я приехала домой, но меня никто не ждет.

Заказываю такси через приложение и жду у выхода с вокзала. Водитель приезжает через пять минут. Я называю адрес квартиры, которую нашла через интернет еще в Москве: однокомнатная, недалеко от больницы, в которой работает отец.

Мы едем по знакомым улицам, и каждый поворот отдается болью в груди. Вот площадь, где мы с Димой встречались после смен. Вот кафе, где он сделал мне предложение. Вот парк, где мы гуляли морозными вечерами, и он укутывал меня своим шарфом, целовал замерзший нос и говорил, что я самая упрямая женщина на свете, раз отказываюсь носить шапку.

Я отворачиваюсь к окну и стискиваю руки в замок. Нельзя плакать. Не здесь и не сейчас.

Квартира оказывается именно такой, как на фотографиях: маленькая, чистая и безликая. Минимум мебели, окна выходят во двор. Я ставлю сумку на пол и обхожу квартиру. Диван, стол, два стула, на кухне старый холодильник и плита. В ванной пахнет хлоркой. Идеальное место для того, чтобы спрятаться от всего мира.

Я начинаю распаковывать вещи. Одежда аккуратно ложится в узкий шкаф. Косметичка отправляется в ванную. На столе я раскладываю документы: диплом врача в темно-красной обложке, сертификаты, рекомендательные письма. Достаю стетоскоп, который всегда ношу с собой, он холодный и тяжелый в руках, такой привычный.

И вот на самом дне сумки я нахожу фотографию.

Мама тепло улыбается мне с потрепанного снимка. Ей было тридцать восемь на этой фотографии, за год до того, как рак забрал ее у нас. Мне было пятнадцать, Марине двенадцать. Я помню, как она держала меня за руку в больнице и говорила: «Вера, ты старшая, ты должна быть сильной. Позаботься о Марине, она еще совсем маленькая». Я обещала. Я обещала, и я сдержала слово. Заботилась, оберегала, защищала. А в итоге получила нож в спину от той, ради кого жертвовала собой.

Я ставлю фотографию на стол и отхожу к окну. Темнеет. Город погружается в сумерки, и окна домов напротив зажигаются одно за другим, как звезды. Где-то там, в этом городе, живет отец. Работает в больнице, той самой, где фамилия Ароновых значит так много. Где он заведующий отделением, где его уважают и слушаются. Где он до сих пор считает, что я была неправа, что я должна была простить, что я разрушила нашу семью своим отъездом.

Где-то там живет Марина. Наверное, уже с ребенком, которому сейчас около полутра лет. Мальчик или девочка? Похож на нее или на Диму? Я не знаю. И не хочу знать. Но мысли лезут в голову, режут изнутри, и я не могу их остановить.

Где-то там живет Дима. Человек, которого я любила больше всего на свете и которого теперь ненавижу всей душой.

Я ложусь на диван и смотрю в потолок. Уснуть не получается. Каждый скрип, каждый звук за окном кажется громким и чужим. Этот город живет своей жизнью, а я здесь чужая, хотя родилась и выросла здесь. Каждая улица напоминает о том, что было. О счастье, которое оказалось ложью. О любви, которая превратилась в предательство. О семье, которая выбрала не меня.

Это город-рана, и я вернулась в него, потому что идти больше некуда.

В Москве оставаться было нельзя, а здесь хотя бы есть работа. Точнее я надеюсь, что она будет.

Глава 2

Утро начинается с того, что я долго стою перед зеркалом в ванной и смотрю на свое отражение. Лицо бледное, глаза покрасневшие от бессонной ночи. Я умываюсь холодной водой, наношу тональный крем, пытаюсь скрыть следы усталости, крашу ресницы. Волосы собираю в строгий пучок на затылке, закрепляю шпильками. Достая темно-синее платье, строгое, с длинными рукавами, застегиваю пуговицы на манжетах. Натягиваю колготки, обуваю туфли на невысоком каблуке.

Снова смотрю в зеркало. Передо мной стоит врач Вера Аронова, профессионал высокого класса, с двумя годами работы в московской частной клинике за плечами. Не та девушка, которая два года назад бежала из этого города со слезами на глазах. Не та наивная дура, которая верила в любовь и семью.

– Ты справишься, – шепчу я своему отражению. – Ты справлялась и не с таким.

Руки слегка дрожат, когда я беру сумку с документами. Внутри лежат диплом, сертификаты, рекомендательные письма из «МедВиты». Все, что должно убедить отца дать мне место. Все, что осталось от двух лет моей жизни в Москве.

Городская больница №1 находится в двадцати минутах ходьбы от моей квартиры. Я иду пешком, хотя можно было взять такси. Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями и с силами.

Здание больницы появляется из-за поворота, и я немного замедляю шаг. Серое пятиэтажное строение с облупившейся штукатуркой и узкими окнами. Я знаю каждый сантиметр этого здания. Проходила здесь практику еще студенткой, когда отец водил меня по отделениям и с гордостью представлял коллегам: «Моя старшая, будущий врач, отличница». Потом была ординатура, бессонные дежурства, первые пациенты, первые ошибки и первые победы. Здесь я познакомилась с Димой...

Я останавливаюсь перед входом и делаю глубокий вдох. Нельзя сейчас об этом думать. Нельзя вспоминать.

Вхожу внутрь.

Запах хлорки бьет в нос, такой знакомый, въевшийся в память. Под ногами старый линолеум, исцарапанный каталками. Стены покрашены в бледно-зеленый цвет, краска местами облупилась. Все то же самое, что и два года назад. Ничего не изменилось.

Иду по коридору к лестнице. Навстречу попадает пожилая медсестра с усталым лицом. Она смотрит на меня, и я понимаю, как в ее глазах вспыхивает узнавание. Она отводит взгляд, ускоряет шаг. Через несколько метров оборачивается и шепчет что-то своей коллеге, идущей следом. Та тоже смотрит на меня, и я чувствую, как по спине пробегает холодок.

Они узнали меня. Конечно, узнали. В этой больнице все друг друга знают, все помнят скандалы и сплетни.

Поднимаюсь по лестнице на третий этаж. Ноги становятся ватными с каждой ступенькой. Кабинет заведующего терапевтическим отделением находится в конце коридора, дверь с табличкой «Г.П. Аронов».

Я останавливаюсь перед дверью. Рука висит над ручкой. Внутри все сжимается в тугий комок. Я не видела отца два года. Он звонил, требовал вернуться, обвинял меня в том, что я разрушила семью. Я слушала, молчала, а потом заблокировала его номер. Последнее, что я слышала от него: «Ты эгоистка, Вера. Думаешь только о себе. Мать бы не простила тебе такого».

Я сжимаю ручку и открываю дверь.

Кабинет просторный, светлый, с большим окном, выходящим на внутренний двор больницы. За столом сидит отец. Геннадий Петрович Аронов, пятьдесят пять лет, заведующий

терапевтическим отделением, человек, чья фамилия в этом городе значит очень много. Седые волосы аккуратно зачесаны назад, лицо строгое, с глубокими морщинами у рта. Он в белом халате, перед ним лежат какие-то документы, он что-то читает, не поднимая головы.

Я делаю шаг внутрь, и он поднимает глаза.

На секунду его лицо теряет привычную маску самообладания. Глаза расширяются, рот приоткрывается. Он совершенно не ожидал меня увидеть.

Потом он берет себя в руки. Лицо снова становится каменным, непроницаемым.

– Здравствуй, Вера, – произносит он. Голос ровный, холодный, без эмоций. Как будто мы виделись вчера, как будто между нами не было двух лет молчания.

– Здравствуй, папа, – отвечаю я. Мой голос кажется чужим, напряженным.

Мы смотрим друг на друга. Он не встает, не выходит из-за стола, не делает ни шага навстречу. Не спрашивает, как я, не говорит, что рад меня видеть. Ничего.

– Садись, – кивает он на стул напротив.

Я сажусь и чувствую, как внутри все дрожит, но не показываю этого.

– Ты зачем приехала? – спрашивает он.

– Мне нужна работа, – говорю я. – У меня квалификация, два года опыта работы в московской частной клинике, отличные рекомендации. Я хороший врач, папа. И ты это знаешь.

Он молчит. Смотрит на меня так, как будто оценивает.

– В моем отделении мест нет, – произносит он наконец.

Глава 3

Он молчит. Смотрит на меня так, как будто оценивает.

– В моем отделении мест нет, – произносит он наконец.

Я знаю, что это неправда. В этой больнице всегда нужны врачи. Всегда не хватает кадров, особенно хороших специалистов. Но, кажется, я понимаю, в чем дело.

– Марина работает в твоём отделении? – спрашиваю я. Голос звучит тише, чем мне хотелось бы.

Отец кивает.

– Да, она старшая медсестра.

Конечно, она здесь. Где же ещё ей быть. Отец всегда помогал Марине, устраивал её на лучшие места, закрывал глаза на её ошибки и промахи. Она всегда была его любимицей, маленькой принцессой, которую нужно оберегать.

– Я не хочу конфликтов, Вера, – говорит отец. Он откидывается на спинку кресла, смотрит на меня сверху вниз. – Нас знает весь город. Я не хочу, чтобы вы тут устраивали сцены.

Внутри все сжимается так сильно, что становится трудно дышать. Я не устраивала сцен. Никогда. Я молча уехала. Я не кричала, не скандалила, не требовала объяснений. Я просто ушла, потому что не могла больше здесь находиться. А он говорит об этом так, как будто я виновата. Как будто это я разрушила все.

– Я не собираюсь устраивать сцен, – отвечаю я. Голос дрожит, но я сжимаю руки в кулаки и продолжаю: – Мне просто нужна работа. Я хороший врач. Я буду работать, и все.

Отец смотрит на меня и вздыхает.

– Я не возьму тебя в своё отделение, – говорит он. – Но знаю, что в отделении функциональной диагностики ушла врач в декрет. Заведующий – Игорь Валерьевич Шатров. Можешь попробовать устроиться туда.

Я киваю. Выбора нет. Мне нужна работа, и я возьму то, что предлагают.

– Спасибо, – говорю я.

Отец снова берет документы со стола, делает вид, что читает. Разговор окончен. Я должна уйти. Но я не могу встать. Не могу просто так уйти, ведь он – мой папа, а ведет себя, как чужой человек.

– Почему ты вернулась? – спрашивает он, не поднимая глаз от бумаг.

Внутри начинается паника. Я не могу сказать правду. Никто не должен знать, что случилось в Москве. Никто.

– Москва мне не подошла, – отвечаю я. – Слишком шумно. Слишком много людей. Я хотела вернуться домой.

Ложь звучит неубедительно, но отец, кажется, не замечает. Или делает вид, что не замечает.

– И постарайся вести себя сдержанно, – говорит он. Голос холодный, отстраненный. – Марина после твоего отъезда потеряла ребенка. Выкидыш из-за стресса. Я надеюсь, ты понимаешь, что это значит.

На секунду кажется, что мир остановился.

Я сижу на стуле и смотрю на отца, но не вижу его. Слова звучат в голове, как набат. Потеряла ребенка. Выкидыш. Стресс.

И отец обвиняет меня в гибели нерожденного ребенка. Он говорит об этом так спокойно, так буднично, как будто сообщает о погоде. Но я слышу, что стоит за его словами. «Это твоя вина. Ты уехала, ты бросила сестру, и она потеряла ребенка из-за стресса. Из-за тебя».

Я пытаюсь что-то сказать, но слова застревают внутри.

– Вера, ты меня слышишь? – спрашивает отец.

Я киваю. Встаю на ватных ногах, беру сумку и иду к двери.

– Кабинет Шатрова на втором этаже, – говорит отец мне вслед. – Можешь зайти к нему сегодня.

Я выхожу из кабинета и закрываю за собой дверь. Коридор плывет перед глазами. Я не ожидала, что встреча с отцом так сильно выбьет меня из колеи. Хотя, кого я обманываю? Дело не в это, а в том, что моя сестра потеряла ребенка. Из-за стресса. Из-за меня.

Я иду, не разбирая дороги, мимо кабинетов, мимо медсестер, которые оборачиваются и шепчутся за моей спиной. Вижу табличку «Туалет», толкаю дверь, и захожу внутрь.

Вина затапливает меня, накрывает с головой, душит. Разумом я понимаю, что ни в чем не виновата. Это она разрушила мою жизнь, это она спала с моим женихом, это она пришла ко мне и сказала, что беременна. Я не сделала ничего плохого. Я просто уехала, чтобы не сойти с ума.

Но внутри голос шепчет: а вдруг это правда? Вдруг ты виновата? Вдруг если бы ты осталась, если бы простила, если бы была мудрее, как говорил отец, ребенок был бы жив?

Открываю кран, набираю в ладони холодной воды и плескаю себе в лицо. Вода обжигает кожу, стекает по щекам, капает на воротник платья. Я набираю еще, и еще, пока не чувствую, как онемевает пальцы. Холод отрезвляет, возвращает в реальность. Я вытираюсь бумажным полотенцем, достаю из сумки пудру, подправляю макияж. Руки дрожат, но я заставляю их слушаться. Крашу губы помадой нейтрального оттенка, поправляю волосы, заправляю выбившуюся прядь за ухо.

Смотрю на себя снова. Лучше. Не идеально, но лучше.

Я выхожу из туалета и иду по коридору к лестнице. Отделение функциональной диагностики на втором этаже, значит, нужно спуститься на один пролет вниз. Я иду медленно, придерживаясь за перила, стараясь дышать ровно и глубоко. Внутри все дрожит, но я заталкиваю это куда-то глубоко, запираю на замок. Потом разберусь. Сейчас нужно просто дойти до кабинета Шатрова и получить эту работу.

Поворачиваю за угол и врезаюсь в кого-то. Инстинктивно хватаюсь за стену, чтобы не упасть, поднимаю глаза и замираю.

Передо мной стоит Наташа.

Наташа Климова, моя лучшая подруга с детского сада. Мы вместе учились в школе. Она стала медсестрой, я – врачом, но это никогда не мешало нашей дружбе. Когда я уехала в Москву, все отвернулись от меня. Отец. Коллеги. Знакомые. Все считали меня эгоисткой, которая бросила семью в трудную минуту. Все, кроме Наташи. Мы изредка переписывались. Она никогда меня не осуждала. Она просто была рядом, насколько это было возможно на расстоянии в тысячу километров.

– Вера? – шепчет она. Глаза широко распахнуты, в них удивление и радость. – Это правда ты?

Я не успеваю ответить. Наташа обнимает меня крепко. Запах ее духов, такой знакомый, такой родной. Я закрываю глаза и обнимаю ее в ответ. Держусь за нее, как за спасательный круг.

– Наконец-то ты вернулась, – шепчет она мне на ухо. – Как же я рада тебя видеть!

– Я тоже рада, – отвечаю я. Голос срыгается, и я откашливаюсь, пытаюсь взять себя в руки. – Очень рада.

– Ты вернулась насовсем? – спрашивает она, отстраняясь и глядя мне в глаза с надеждой.

– Пока не знаю, – отвечаю я честно.

Наташа кивает. Она не спрашивает, что случилось, почему я вернулась. Она просто стоит рядом, держит меня за руку и молчит. Это так много значит.

– Ты куда идешь? – спрашивает она.

– В отделение функциональной диагностики. Папа сказал, что там нужен врач. Мне нужно поговорить с заведующим, Шатровым.

Наташа хмурится.

– Шатров... – повторяет она задумчиво. – Будь с ним осторожна, Вера. Он скользкий тип.

Глава 4

Наташа хмурится.

– Шатров... – повторяет она задумчиво. – Будь с ним осторожна, Вера. Он скользкий тип. Я киваю. Мне все равно. Мне нужна работа, и я соглашусь на нее, даже если заведующий

окажется самым неприятным человеком на свете.

– Я справлюсь, – говорю я.

Наташа смотрит на меня долгим взглядом, потом обнимает снова.

– Созвонимся, хорошо? – шепчет она. – Я работаю в отделении твоего отца. Мне столько всего нужно тебе рассказать.

Я киваю. Она отпускает меня и уходит по коридору. Я стою, смотрю ей вслед и чувствую, как внутри теплеет. Хоть кто-то рад моему возвращению.

Я спускаюсь на второй этаж.

Коридор расходится в две стороны: направо – отделение функциональной диагностики, налево – административное крыло с кабинетом главврача.

У входа в отделение на посту сидит медсестра, лет сорока пяти, с усталым лицом и тусклыми волосами, собранными в хвост. Она поднимает на меня глаза.

– Вы к кому? – спрашивает она. Голос безразличный, вежливо-холодный.

– К Игорю Валерьевичу Шатрову. Меня направил Геннадий Петрович Аронов.

Медсестра кивает, встает.

– Подождите здесь, – говорит она и уходит в один из кабинетов.

Я стою и жду. Внутри все напряжено до предела. Я устала. Устала притворяться сильной, устала держать лицо, устала от того, что каждая встреча в этой больнице превращается в испытание.

Дверь кабинета открывается, и из него выходит мужчина.

Ему за пятьдесят, но выглядит он моложе. Ухоженный, в идеально выглаженном белом халате, темные волосы с проседью аккуратно причесаны. Лицо гладкое, загорелое, на губах скользкая, маслянистая улыбка, от которой мне становится не по себе.

– Вера Геннадьевна, – произносит он, протягивая руку. Голос глубокий, бархатный, слишком приветливый. – Игорь Валерьевич. Очень рад знакомству.

Яжимаю его руку. Рукопожатие крепкое, но он задерживает мою ладонь чуть дольше, чем нужно. Я чувствую, как его пальцы слегка сжимаются, как большой палец поглаживает мою кожу. Внутри все сжимается от неприятного ощущения, но я не подаю вида. Вытаскиваю руку, делаю шаг назад.

– Очень приятно, – отвечаю я ровным голосом.

Шатров смотрит на меня оценивающе. Взгляд скользит по моему лицу, опускается ниже, задерживается на фигуре, потом возвращается к глазам. Я чувствую себя под микроскопом. Мне хочется отвернуться, уйти, но я стою и смотрю на него спокойно.

– Геннадий Петрович уже позвонил, – говорит Шатров. Улыбка становится шире. – Говорит, вы прекрасный специалист. Два года работы в московской частной клинике – это впечатляет. У нас редко бывают такие кадры.

– Спасибо, – отвечаю я. – Я действительно люблю свою работу. И буду рада, если смогу быть полезна вашему отделению.

Шатров кивает, жестом приглашает меня в кабинет. Я захожу. Кабинет небольшой, но уютный. Стол, стулья, шкафы с медицинской документацией, на стене диплом и сертификаты в рамках. На столе фотография – Шатров с женщиной и двумя детьми.

– Садитесь, пожалуйста, – говорит Шатров, указывая на стул напротив стола.

Я сажусь, кладу сумку на колени. Он садится за стол, откидывается на спинку кресла и смотрит на меня.

– У нас освободилось место, – произносит он. – Врач ушла в декретный отпуск. Работа стандартная: ЭКГ, УЗИ, холтеровское мониторирование. График сменный. Зарплата не московская, конечно, но стабильная. Плюс соцпакет.

Я киваю.

– Меня это устраивает.

Шатров улыбается.

– Отлично. Тогда завтра жду вас на работу. Восемь утра, не опаздывайте. Документы принесете, оформим все как положено. Я уверен, мы отлично поладим.

Его голос звучит мягко, но в нем слышится что-то еще. Что-то, от чего мне становится не по себе.

– До завтра, – говорю я и выхожу из кабинета.

Иду по коридору, и понимаю, что Наташа была права. Шатров неприятный, но выбора нет. Мне придется терпеть этого человека.

Следующее утро начинается рано. Я просыпаюсь в шесть, принимаю душ, одеваюсь. Снова строгое темное платье, туфли, волосы убраны в низкий пучок. Смотрю на свое отражение и думаю, что выгляжу как человек, готовый к бою.

Выхожу из дома в половине седьмого. Апрельское утро холодное, небо затянуто серыми облаками. Иду пешком мимо знакомых домов, мимо парка, где мы с Наташей когда-то гуляли после школы.

Вхожу в больницу ровно без пяти восемь. В холле дежурит охранник, тот же самый дед Семеныч, что работал здесь два года назад. Он поднимает глаза, узнает меня, кивает молча. Интересно, он тоже знает всю историю? Наверняка. В этом городе все все знают.

Поднимаюсь в отделение функциональной диагностики, каблуки стучат по ступеням. Руки холодные, сердце бьется слишком быстро.

У поста медсестер стоят три женщины в халатах. Они замолкают, когда меня видят.

– Здравствуйте, – говорю я. – Я Вера Аронова, новый врач.

Молчание длится секунду слишком долго. Потом одна из них кивает.

– Вера Геннадьевна, да? Мы вас ждали. Я Людмила, старшая медсестра отделения.

Она протягивает руку, яжимаю ее. Ладонь у нее сухая и теплая.

– Это Оксана, – Людмила кивает на девушку лет тридцати с короткой стрижкой, – и Светлана.

Светлана – худая брюнетка с острым взглядом – смотрит на меня оценивающе и не улыбается.

– Дочка Геннадия Петровича, – произносит она, и в ее голосе слышится что-то колкое. – Слышала, вы в Москве работали.

– Да, – отвечаю я спокойно. – В частной клинике. Два года.

– А почему вернулись? – спрашивает Оксана, и я чувствую, как напрягаюсь.

– По личным причинам, – говорю я ровным тоном, и надеюсь, что этого хватит.

Людмила бросает на Оксану предупреждающий взгляд.

– Игорь Валерьевич придет через полчаса. Пока можете осмотреться, переодеться. Ваш кабинет – третий слева.

Я благодарю ее и ухожу. Чувствую на себе их взгляды, слышу, как за моей спиной начинается приглушенный шепот. Понимаю, о чем они говорят. «Дочка Аронова. Блатная. Наверняка через папу устроилась. А что случилось в Москве? Почему вернулась?»

Глава 5

В моем новом кабинете маленькое окно, старый письменный стол, кушетка для пациентов, аппарат ЭКГ. На столе стоит компьютер, лежат папки с документами, ручки в стакане, календарь за прошлый год.

Сажусь за стол и понимаю, что руки дрожат. Сжимаю их в кулаки, заставляю себя дышать ровно. Ты справишься. Ты хороший врач. Это главное.

Через полчаса появляется Шатров. Он улыбается своей масляной улыбкой, обводит кабинет взглядом.

– Ну что, освоились? – спрашивает он с улыбкой.

– Да, спасибо. Готова приступить к работе.

Он кивает, достает папку.

– Отлично. Вот список пациентов на сегодня. В основном плановые ЭКГ, пара УЗИ сердца. Ничего сложного. Если будут вопросы – обращайтесь ко мне. Я всегда рад помочь.

Его взгляд задерживается на мне. Я беру папку, благодарю и жду, пока он уйдет.

Первый пациент приходит в девять. Пожилая женщина с одышкой и жалобами на боли в сердце. Я усаживаю ее, задаю вопросы, слушаю внимательно. Она говорит долго, путается в датах, и я терпеливо распутываю клубок симптомов. Делаю ЭКГ, изучаю пленку. Мерцательная аритмия, нужна консультация кардиолога.

– Вам надо обратиться к специалисту, – говорю я. – Я выпишу направление. И вот эти препараты нужно начать принимать, но строго по схеме.

Женщина смотрит на меня благодарно.

– Вы так внимательно слушаете, доченька. Не то что некоторые – только в карту пишут, а на человека и не смотрят.

Я улыбаюсь ей.

– Выздоровляйте.

Следующий пациент, потом еще один. Работа затягивает, и это спасает. Я делаю то, что умею лучше всего: слушаю, анализирую, ставлю диагнозы. У молодого парня с жалобами на учащенное сердцебиение обнаруживаю признаки панических атак, а не сердечной патологии. Рекомендую консультацию психотерапевта. У женщины средних лет с болями в груди нахожу остеохондроз, а не стенокардию. Объясняю, что к чему, выписываю рекомендации.

К обеду чувствую, что коллеги начинают оттаивать. Оксана зовет попить чай, Людмила заглядывает в кабинет и одобрительно кивает.

– Вы быстро работаете, – говорит она. – И пациенты довольны. Это важно.

Светлана все еще смотрит настороженно, но уже не так холодно.

В час дня у меня перерыв. Я выхожу в коридор, иду к окну подышать. Больница огромная, пятиэтажная, и коридоры пересекаются, как лабиринт. Стою у окна, смотрю на внутренний двор, где растет старый тополь, и пытаюсь успокоить нервы.

И тут я вижу ее.

Марина идет по коридору навстречу мне. Она на третьем этаже, я вижу ее через пролет лестницы, через длинный больничный коридор. Она в идеально выглаженном белоснежном халате. Волосы убраны в хвост, на губах яркая помада. Она красивая, ухоженная, выглядит так, будто у нее все в порядке. На пальце блестит обручальное кольцо.

Я замираю. Сердце проваливается куда-то вниз, воздуха не хватает. Марина тоже останавливается. Мы смотрим друг на друга через это расстояние, через пустоту между нами.

Она первой отводит взгляд, разворачивается и уходит.

Я стою еще минуту, потом резко разворачиваюсь и иду обратно в кабинет.

Сажусь за стол и замечаю, как руки трясутся. Я сжимаю их в кулаки, но дрожь не проходит. Я думала, что готова. Два года прошло. Думала, что стала сильнее. Но одного взгляда на Марину хватило, чтобы все рухнуло.

Она носит обручальное кольцо. Она стала его женой. Та самая свадьба, которая должна была быть моей, случилась. Только невеста была другая.

Я закрываю лицо руками и пытаюсь дышать.

Сижу так минут десять, потом заставляю себя встать. Иду в туалет, умываюсь холодной водой. Смотрю в зеркало. Лицо бледное, глаза красные. Поправляю волосы, расправляю халат. Ты справишься. Ты должна.

Возвращаюсь в кабинет как раз вовремя – следующий пациент уже ждет.

Во второй половине дня в отделение приходит главврач Андрей Михайлович Соколов. Я слышала это имя, но никогда его не видела. Он молодой для главврача – на вид лет тридцать пять, не больше. Высокий, подтянутый, в белом халате и строгой рубашке. Темные волосы, зеленые внимательные глаза. Он занял этот пост год назад, поэтому я не была с ним знакома. Он идет по отделению с обходом, останавливается возле каждого кабинета, задает вопросы, слушает ответы.

Когда он заходит ко мне, я поднимаюсь из-за стола.

– Вера Геннадьевна Аронова, – представляюсь я.

Он кивает.

– Андрей Михайлович. Слышал, вы вернулись из Москвы.

– Да, – отвечаю я осторожно.

– Где работали?

– В частной клинике «МедВита». Врач-терапевт.

Он задумчиво смотрит на меня.

– Хорошая клиника. Почему ушли?

Вопрос прямой, без обиняков. Я чувствую, как внутри все сжимается.

– Личные обстоятельства, – говорю я и надеюсь, что он не станет настаивать.

Соколов кивает, не задает больше вопросов. Берет с моего стола папку с сегодняшними пациентами, листает. Останавливается на одной карте.

– Панические атаки, а не тахикардия, – читает он вслух. – Верный диагноз. Такие вещи часто пропускают.

Он поднимает на меня взгляд, и в его глазах я вижу одобрение.

– Нам такие специалисты нужны, – говорит он просто. – Если будут сложности – обращайтесь напрямую ко мне.

Он уходит, а я стою и чувствую, как тепло разливается внутри. Меня увидели не как «дочку Аронова», не как «ту, что сбежала из-за сестры». Меня увидели как врача.

Но сразу же накатывает паника. Главное, чтобы он не узнал. Главное, чтобы никто не узнал, что случилось в Москве. Почему я действительно уехала. Если это выплывет наружу – мне конец.

Глава 6

Вечером я добираюсь до квартиры на последнем издыхании. Скидываю туфли, падаю на диван. Голова раскалывается, все тело ноет от напряжения. Закрываю глаза и вижу Марину. Ее идеально выглаженный халат. Кольцо на пальце.

Звонит телефон. Наташа.

– Как прошел первый день? – спрашивает она.

Я молчу.

– Вера?

– Приезжай, – говорю я тихо. – Пожалуйста.

Она приезжает через полчаса с бутылкой вина и пакетом еды. Обнимает меня молча, и я чувствую, как внутри что-то ломается. Мы садимся на пол, прислонившись спинами к дивану. Наташа наливает вино в чашки – бокалов у меня нет.

– Рассказывай, – кивает она мне.

Я смотрю в чашку с вином, делаю глоток. Кисло и терпко, но согревает.

– Я видела сегодня Марину, – говорю я. – Она носит обручальное кольцо. Они поженились, Наташ.

Наташа молчит. Конечно, она об этом знает. Да и для меня это не было сюрпризом, но все равно больно.

– Я думала, что готова, – качая головой, говорю я. – Два года прошло. Два года я жила в Москве, работала, строила новую жизнь. Я думала, что стала сильнее. Что научилась отпускать. Но достаточно было одного взгляда на нее, и все внутри развалилось. Как будто эти два года – ничто. Как будто я снова стою в той квартире, в свадебном платье, и слышу ее слова: «Я беременна».

Я делаю большой глоток.

– Она выглядела идеально. Ухоженная, красивая, с ярким макияжем. Будто у нее все прекрасно. А я еле держусь. Весь день притворялась, что все в порядке. Улыбалась пациентам, разговаривала с коллегами... А внутри было ощущение, что я сейчас развалюсь на куски.

Наташа ставит свою чашку на пол и обнимает меня за плечи.

– Вера, ты самый сильный человек, которого я знаю.

Я качаю головой.

– Нет. Если бы я была сильной, я бы не сбежала в Москву.

– Ты не сбежала, – говорит Наташа твердо. – Ты ушла из невыносимой ситуации. Это разные вещи.

Я делаю еще глоток вина. Оно обжигает горло, но мне все равно.

– Отец вчера сказал... – голос снова дрожит, и я замолкаю.

– Что? – Наташа смотрит на меня внимательно.

Я закрываю глаза. Слова отца звучат в голове, как приговор.

– Он сказал, что после моего отъезда у Марины случился выкидыш. Врачи назвали причиной стресс. Он сказал, что надеется, я понимаю, что это значит.

Наташа резко выдыхает.

– Господи...

– Он обвиняет меня, – говорю я тихо. – Он считает, что это моя вина. Что я бросила сестру в трудную минуту и из-за этого она потеряла ребенка.

– Вера, это абсурд! Ты ни в чем не виновата!

– Я знаю, – шепчу я. – Разумом я понимаю. Но внутри это грызет меня. Я думаю: а вдруг это правда моя вина? Вдруг если бы я осталась, если бы выслушала их, простила, то ребенок был бы жив?

Наташа смотрит мне прямо в глаза с серьезным видом.

– Слушай меня внимательно: Марина спала с твоим женихом. Она предала тебя. Она разрушила твою свадьбу, твою жизнь. Ты имела полное право уйти. И если у нее случился выкидыш – это не твоя вина. Это просто несчастье. Или следствие ее собственных решений. Но точно не твоя вина.

Я хочу верить ей. Но тяжелое и липкое чувство вины сидит внутри и не отпускает.

– Отец даже не спросил, как я, – говорю я. – Он не обнял меня. Не сказал, что рад видеть. Он просто устроил меня на работу подальше от Марины, чтобы мы не пересекались и не портили репутацию семьи Ароновых.

Наташа обнимает меня крепче, и я чувствую, как слезы подступают к горлу. Комок в горле такой тугой, что дышать больно.

– Он сказал, что нас знает весь город, – продолжаю я. – Что он не хочет, чтобы я устраивала сцены. Будто это я во всем виновата. Будто это я разрушила все.

– Геннадий Петрович всегда был таким, – говорит Наташа тихо. – Ты же знаешь. Для него главное – репутация. Он привык, что все подчиняются. И Марина всегда была его любимицей.

Она права. Марина – младшенькая, маленькая, беззащитная. Марину надо оберегать, прощать, жалеть. А я – старшая, я должна быть мудрее, сильнее, ответственнее. Всегда я должна уступать.

– Мне надоело быть сильной, – шепчу я. – Мне надоело держаться. Я просто хочу, чтобы кто-то сказал: «Вера, ты ни в чем не виновата. Ты пострадала, и это несправедливо».

– Вера, – Наташа берет мое лицо в ладони, – ты ни в чем не виновата. Ты пострадала. И это чудовищно несправедливо.

Я закрываю глаза, и тихо, почти беззвучно плачу. Наташа обнимает меня, гладит по волосам, и я позволяю себе быть слабой.

Мы сидим так долго, молча. За окном темнеет, фонари зажигаются один за другим.

– Почему ты вернулась, Вер? – спрашивает Наташа тихо. – Что случилось в Москве?

Я замираю. Сердце бьется чаще, ладони холодеют. Я не готова говорить об этом.

– Не спрашивай, – прошу я. – Пожалуйста, Наташ. Не сейчас.

Она молчит, потом кивает.

– Хорошо. Но когда будешь готова – я рядом.

Я благодарна ей за то, что она не давит, не настаивает. Наташа всегда умела чувствовать границы.

Мы допиваем вино, едим бутерброды, которые она принесла. Разговариваем о ерунде – о погоде, о новом сериале, о работе. Постепенно напряжение отпускает, и я чувствую себя почти нормально.

– Главврач сегодня заходил, – говорю я. – Андрей Михайлович.

Наташа усмехается.

– А, наш Соколов. Умница, трудяга, и ледышка редкостная. Но справедливый.

– Он сказал, что ему нужны такие специалисты, – говорю я и чувствую, как внутри теплеет. – Впервые за день я почувствовала себя врачом, а не «дочкой Аронова с проблемами».

– Потому что ты и есть врач, – говорит Наташа. – Отличный врач. И пусть весь мир идет к черту, Вера, но ты – профессионал. Это у тебя не отнять.

Я улыбаюсь ей.

Наташа уезжает поздно вечером. Я провожаю ее до двери, обнимаю крепко.

– Спасибо, – говорю я.

– Всегда пожалуйста, – отвечает она и уходит.

Я закрываю дверь. Квартира тихая, пустая. Я иду в ванную, умываюсь, чищу зубы. Смотрю на свое отражение в зеркале. Глаза красные, лицо усталое. Но я держусь.

Выключаю свет, ложусь в постель. Темнота обволакивает меня, и я закрываю глаза.

Завтра снова на работу. Снова надо держать лицо, улыбаться, быть профессионалом.
Но сегодня я позволила себе быть слабой. И это уже что-то.
Я засыпаю, проваливаясь в сон, как в омут.

Просыпаюсь резко, в холодном поту. Сердце колотится, дыхание сбивчивое. Хватаю телефон – четыре утра. За окном темно, в квартире – тихо. Но в ушах все еще звучит холодный четкий женский голос, отчеканивающий каждое слово:

«Убирайся из Москвы, или я уничтожу тебя».

Глава 7

Я сажусь на кровати и обхватываю колени руками. Руки дрожат. Я пытаюсь дышать ровно, но воздуха не хватает.

Это был не просто сон. Это было воспоминание.

Кира Рогозина. Жена Максима.

Я закрываю глаза и вижу ее лицо. Красивое, ухоженное, с идеальным макияжем и стальным взглядом. Рыжие волосы, дорогой деловой костюм, тонкие пальцы с безупречным маникюром.

Она позвонила мне полторы недели назад. Я тогда была в квартире, которую снял для меня Максим. Было утро, я собиралась на работу. Телефон зазвонил, на экране высветился незнакомый номер.

– Алло?

– Вера Аронова?

Голос был вежливым, почти дружелюбным.

– Да, – ответила я осторожно.

– Меня зовут Кира Рогозина. Я жена Максима.

Мир остановился. Я стояла посреди комнаты с телефоном у уха и не могла вымолвить ни слова.

– Я вижу, ты удивлена, – продолжила Кира. – Максим, наверное, забыл упомянуть, что женат. Он часто забывает такие мелочи.

Я попыталась что-то сказать, но голос не слушался.

– Послушай меня внимательно, – голос Киры стал жестче, острее. – Я знаю, где ты работаешь. Знаю, где живешь. Знаю все о тебе. И если ты не исчезнешь из жизни моего мужа немедленно, я уничтожу тебя. Твою карьеру, твою репутацию, твою жизнь. У меня есть связи в Минздраве. Одного звонка достаточно, чтобы ты больше никогда не работала врачом. Ни в Москве, ни где-либо еще.

Я слушала, и внутри все холодело.

– Убирайся из Москвы, – сказала Кира тихо. – Или я уничтожу тебя.

Она повесила трубку.

Я стояла с телефоном в руке и не могла пошевелиться.

Максим врал. Все, что он говорил мне, было ложью. Он не был разведен. У него была жена, влиятельная, опасная женщина, которая знала о моем существовании и была готова растоптать меня.

Я сразу позвонила Максиму. Он не ответил. Написала – тишина. Через два дня он появился в клинике.

Зашел в ординаторскую и прикрыл за собой дверь. Лицо было напряженным, взгляд бегущим. Я сразу поняла – что-то не так.

– Вера, нам нужно поговорить, – начал он, не здороваясь.

Я положила ручку и посмотрела на него молча.

– Тебе нужно уволиться, – выпалил Максим. – Как можно скорее.

Я не поверила своим ушам.

– Что?

– Вера, прошу, не усложняй. Просто напиши заявление и...

– Максим, о чем ты говоришь?

Он провел рукой по лицу. Выглядел измотанным.

– Кира, моя жена, знает о нас. Она в ярости. И ее отец... – он замаялся. – Вера, эта клиника куплена на деньги ее отца. Понимаешь? Она в любом случае выживет тебя отсюда.

Меня будто ледяной водой окатили.

– Подожди. Ты хочешь сказать, что эта клиника принадлежит семье твоей жены?

– Формально клиника моя, но деньги... – он отвел взгляд.

– Ты трус, – слова вырвались сами. – Жалкий трус. Ты врал мне с самого начала. Говорил, что разведен. Что свободен. А сам прятался за спиной богатой жены и ее папочки.

– Я пытаюсь тебя защитить! – вспыхнул он.

– Защитить? – я горько рассмеялась. – Ты защищаешь свою задницу, Максим. Не меня. Себя.

Он сжал челюсти.

– Кира запросто может уничтожить твою карьеру, если ты останешься... Тебе лучше вообще уехать из Москвы.

– Уходи, – прошептала я.

И он молча ушел. А я осталась в пустой ординаторской, и внутри все сжалось от боли.

Я открыла его страницу в соцсетях, ту самую, которая была у меня в друзьях. Все было чисто: статус «не женат», ни одной семейной фотографии. Но я начала копать глубже. И нашла аккаунт Киры. Там была вся их настоящая жизнь. Совместные фотографии, свадьба девять лет назад. Совместные поездки: она обнимает его на фоне моря, он целует ее на чьем-то дне рождения. Под последним постом, датированным две недели назад, она написала: «Мой любимый муж».

Я закрыла ноутбук. Шесть месяцев. Полгода я жила в его лжи, как в красивой декорации, которая рухнула за одну секунду.

А ведь было так хорошо. Я думала, что наконец нашла того, кто не предаст. Максим был терпеливым. Нежным. Не давил, не требовал. Просто был рядом.

Максим купил клинику «МедВита» полгода назад. К тому времени я работала там уже полтора года. Прежнего владельца я даже ни разу не видела – клиникой управляла главврач, а сам владелец – какой-то бизнесмен, который купил клинику как инвестицию – ни разу тут не появлялся.

Мы работали, принимали пациентов, и все было спокойно и предсказуемо. А потом клинику купил Максим. Он появился в первый же день после оформления сделки. Высокий, уверенный, в дорогом костюме. Собрал всех в холле, представился, сказал несколько слов о планах развития. Обещал расширение, новое оборудование, достойные зарплаты.

А потом его взгляд остановился на мне. Я стояла в стороне, в белом халате, с папкой в руках. Максим посмотрел на меня и слегка улыбнулся. Не развязно, не пошло. Просто тепло.

После собрания он подошел ко мне.

– Вы Вера Аронова? Терапевт?

– Да.

– Слышал о вас только хорошее. Пациенты вас очень хвалят.

Я удивилась:

– Вы уже изучили отзывы?

– Конечно, я же должен был изучить людей, с которыми мне предстоит работать.

Тогда я не придавала этому значения. Подумала – ответственный владелец, хочет разобраться в бизнесе. Но теперь я понимаю: он обратил на меня внимание сразу. С самого первого дня.

Цветы на моем рабочем столе стали появляться по понедельникам. Записки: «Ты потрясающая». Приглашения на ужины в тихие уютные рестораны, где он слушал меня часами. Командировки на конференции, где мы гуляли по вечерним улицам чужих городов, и он держал меня за руку.

Я помню нашу первую ночь спустя три месяца знакомства. Он пригласил меня на конференцию в Санкт-Петербург. Мы гуляли по Невскому, зашли в маленькое кафе, пили кофе

и говорили обо всем. О медицине, о жизни, о мечтах. Он рассказывал, что хочет развивать клинику, делать ее лучшей в Москве. Как верит в меня, в мой талант.

Потом мы шли по набережной, и он поцеловал меня. И все стены, которые я так тщательно выстраивала, рухнули.

Мы вернулись в гостиницу. Он держал меня за руку в лифте. Открыл дверь в номер и снова поцеловал.

Он раздевал меня медленно, целуя каждый сантиметр кожи. Шептал, какая я красивая, как долго он ждал этого момента. Что все будет хорошо, что он позаботится обо мне.

И я безоговорочно верила ему.

После той ночи все изменилось. Максим снял для меня квартиру в центре Москвы. Говорил, что моя съемная комната в общежитии – не место для такой женщины, как я. Что он хочет, чтобы мне было комфортно.

Квартира была светлой, с большими окнами и видом на парк. Максим почти каждый день привозил цветы, оставался на ночь. Мы готовили вместе ужины, смотрели фильмы, строили планы.

Уик-энды за городом. Он снимал дом у озера, и мы уезжали туда на выходные. Гуляли по лесу, сидели у костра, разговаривали до рассвета. Он говорил, что хочет детей. Что видит меня матерью своих детей. Что когда-нибудь мы поженимся, и у нас будет настоящая семья.

Я думала, что никогда больше никому не доверюсь. Что после Дмитрия и Марины что-то во мне сломалось навсегда. Но Максим... он будто склеивал меня по кусочкам. Медленно, терпеливо, с любовью.

Три месяца счастья.

А потом позвонила Кира.

И все рассыпалось.

Глава 8

Я встаю с кровати, иду на кухню и наливаю воды. Руки все еще дрожат. Пью залпом, ставлю стакан в раковину. Смотрю в окно. За стеклом темнота, редкие огни в окнах соседних домов.

Я уехала. Сделала то, что требовала Кира. Бросила квартиру, уволилась из клиники, купила билет на первый же поезд.

Максим даже не позвонил мне, просто вычеркнул из своей жизни. Это было ожидаемо. Потому что она – дочь влиятельного чиновника, у нее связи, деньги, власть. А я – никто. Просто врач из провинции, которая была удобной любовницей.

Я вернулась сюда. В город, где каждая улица – это память о другой боли. Но выбора не было.

Киру я боюсь до сих пор. Ее голос преследует меня даже здесь, за тысячу километров от Москвы. Я просыпаюсь в холодном поту и прислушиваюсь: не раздастся ли снова звонок?

Но телефон молчит.

Я возвращаюсь в спальню, ложусь, натягиваю одеяло до подбородка. Закрываю глаза. Пытаюсь заснуть. Но сон не идет.

В голове прокручивается один и тот же вопрос: почему я всегда выбираю не тех? Почему люди, которым я доверяю, предают меня?

Ответа нет.

Утро приходит серое и холодное. Я встаю, умываюсь ледяной водой, пытаюсь прогнать остатки кошмара. Смотрю на свое отражение в зеркале: я выгляжу так, будто не спала неделю.

Но надо собираться. Надо идти на работу.

Одеваюсь в строгое серое платье, собираю волосы в низкий пучок, крашусь и смотрю в зеркало снова. Теперь выгляжу почти нормально.

Выхожу из квартиры и иду пешком в больницу. Город просыпается. Люди спешат на работу, ведут детей в школу, покупают газеты в киосках. Обычная жизнь. А у меня внутри воронка, которая затягивает все глубже.

В больнице пахнет, как всегда, хлоркой и лекарствами. Я прохожу мимо охранника, деда Семеныча, киваю ему, поднимаюсь на второй этаж. Отделение функциональной диагностики встречает меня тишиной. Еще рано, пациентов нет.

Захожу в свой кабинет, сажусь за стол, включаю компьютер. Открываю список пациентов на сегодня. Восемь человек. Двое на ЭКГ, трое на холтер, остальные – консультации.

Работа. Вот что спасает меня.

Я погружаюсь в документы, в истории болезни. Читаю, анализирую, делаю пометки. Мозг работает четко, без сбоев. Здесь, за этим столом, я – врач. Не женщина с разбитым сердцем, не дочь, которую отец считает виновной в смерти нерожденного ребенка, не любовница, которую выгнали из Москвы угрозами. Просто врач.

Первый пациент приходит в девять. Пожилая женщина с жалобами на одышку и боли в груди. Я выслушиваю ее внимательно, осматриваю, делаю ЭКГ. Ставлю предварительный диагноз, выписываю направление на дополнительные обследования. Женщина благодарит меня, уходит.

Следующий. И еще один. Работа затягивает, и я благодарна за это.

В обеденный перерыв иду в ординаторскую. Оксана уже там, греет в микроволновке контейнер с едой.

– Привет, – говорит она. – Ты выглядишь ужасно.

– Спасибо, – отвечаю я сухо.

– Плохо спала?

Киваю. Не хочу обсуждать кошмары.

После обеда меня вызывает Шатров. Людмила передает, что Игорь Валерьевич просит меня зайти, чтобы обсудить график.

Я иду в его кабинет. Стучу, слышу: «Войдите».

Шатров сидит за столом и улыбается.

– Вера Геннадьевна, присаживайтесь, – он указывает на стул напротив.

Я молча сажусь.

– Я хотел обсудить ваш график на следующую неделю, – начинает Шатров.

Он говорит, а я слушаю вполуха. Киваю в нужных местах. Все стандартно, ничего особенного.

А потом он наклоняется вперед, и его рука ложится мне на колено.

Я замираю.

Шатров улыбается шире.

– Вы знаете, Верочка, я очень рад, что вы присоединились к нашей команде. Вы талантливый врач. И очень привлекательная женщина.

Его рука сжимает мое колено. Я чувствую, как внутри все холодеет.

Отстраняюсь резко, убираю его руку.

– Игорь Валерьевич, мне кажется, вы забываетесь, – я стараюсь говорить спокойно.

Шатров не смущается. Наоборот, улыбается еще шире, откидывается на спинку кресла и смотрит на меня взглядом человека, привыкшего получать то, что он хочет.

Не будь такой холодной, Верочка, – произносит он мягко, почти ласково. – Мы же коллеги. Хорошие коллеги должны поддерживать друг друга. Помогать друг другу.

В его интонации столько фальши, что меня мутит. Я встаю, но он продолжает говорить, и голос его становится тверже.

– Вот именно, мы только коллеги, – отрезаю я. – Я пришла обсуждать график, а не выслушивать неуместные комплименты.

Шатров поднимает брови. Улыбка не сходит с его лица, но глаза холодеют.

– Понимаю, – говорит он. – Но знаете, Верочка, вам не стоит рубить сук, на котором сидите. Вы здесь новенькая. Вы только начали работать. И я могу сделать вашу жизнь здесь очень комфортной. Или очень некомфортной. Все зависит от того, насколько разумно вы себя поведете.

Глава 9

– Понимаю, – говорит он. – Но знаете, Верочка, вам не стоит рубить сук, на котором сидите. Вы здесь новенькая. Вы только начали работать. И я могу сделать вашу жизнь здесь очень комфортной. Или очень некомфортной. Все зависит от того, насколько разумно вы себя поведете.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри поднимается волна ярости, такой сильной, что хочется швырнуть ему в лицо все, что есть на столе. Но я молчу. Потому что если я сейчас скажу хоть слово, то не сдержусь. Сорвусь. Наговорю лишнего.

Поэтому я просто разворачиваюсь и выхожу из кабинета.

Шатров не окликает меня. Я слышу, как он усмехается за спиной, но не оборачиваюсь.

Иду по коридору быстрым шагом, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди. Захожу в свой кабинет и сажусь за стол.

Что мне теперь делать?

Пожаловаться отцу? Он не поверит. Или поверит, но скажет, что я сама виновата, что не умею себя вести, что провоцирую. Пожаловаться главврачу? Соколову? Он меня не знает. Шатров работает здесь годами, у него связи, авторитет. А я – новенькая, дочка Аронова, у которой и так репутация подмочена.

Куда мне идти? В Москву нельзя вернуться. Здесь я под прицелом и отца, и Марины, и теперь еще Шатрова.

Но нет, я не сдамся. Я не дам этому скользкому типу сломать меня. Я пережила предательство Димы. Пережила бегство из Москвы. Переживу и это.

Глубоко вдыхаю, выдыхаю и открываю следующую историю болезни.

Работа. Вот что спасет меня.

Суббота проходит в какой-то странной пустоте. Я просыпаюсь поздно, за окном серое небо.

Весь день я провожу дома. Убираюсь, хотя убирать особо нечего. Стираю. Готовлю себе ужин, хотя есть не хочется. Пытаюсь читать, но буквы расплываются перед глазами.

Вечером звонит Наташа, зовет погулять. Я отказываюсь. Говорю, что устала. Она не настаивает, но слышу в ее голосе беспокойство.

– Вер, ты там держись, ладно? – говорит она перед тем, как повесить трубку.

– Держусь, – отвечаю я.

Вру.

В воскресенье я просыпаюсь рано, и в голове крутится одна мысль: надо навестить отца.

Я не видела его с того дня, как он устроил меня на работу. Не звонила, не заходила. Он тоже молчал.

Но я его дочь. И как бы холодно он ко мне ни относился, это все равно мой отец. Единственный родной человек, который у меня остался. Кроме Марины, но Марину я вычеркиваю из списка родных.

Я встаю, собираюсь. Надеваю джинсы и свитер, распускаю волосы. Крашусь. Смотрю на себя в зеркало и думаю: может, зря я это затеяла? Может, он снова скажет мне что-то, отчего станет еще больнее?

Но я все равно еду.

Выхожу из дома, сажусь на автобус.

Выхожу на нужной остановке и иду пешком по знакомой улице. Вот дом, в котором я выросла. Большая девятиэтажка, построенная еще в советские времена. Отец живет на седьмом этаже, в квартире, где прошло мое детство.

Поднимаюсь на лифте и звоню в дверь.

Отец открывает почти сразу. Стоит на пороге, смотрит на меня удивленно.

– Вера? – произносит он.

– Привет, пап, – говорю я. – Можно войти?

Он молчит секунду, потом кивает и отступает в сторону.

Я вхожу в квартиру и чувствую, как накрывает волна ностальгии. Здесь все то же самое. Тот же длинный коридор, те же стены, выкрашенные в бежевый цвет. Та же вешалка, на которой висит отцовское пальто.

Иду в гостиную. На стенах – фотографии. Целая галерея семьи Ароновых. Вот дед, хирург, в белом халате, с серьезным лицом. Вот бабушка, педиатр, с добрыми глазами и мягкой улыбкой. Вот отец, молодой, в день окончания института. Вот мама, красивая, смеющаяся, держит на руках меня, совсем маленькую.

Я останавливаюсь перед этой фотографией и смотрю на мамино лицо. Четырнадцать лет прошло. А мне до сих пор ее не хватает.

– Садись, – говорит отец. – Чай будешь?

– Буду, – отвечаю я.

Он уходит на кухню. Я сажусь на диван, тот самый, на котором сидела тысячу раз. Смотрю на стены, на фотографии, на знакомые книжные полки.

Отец возвращается с двумя чашками. Ставит одну передо мной, садится в кресло напротив.

Мы пьем чай молча. Я не знаю, с чего начать. Он тоже молчит, смотрит в окно.

– Как работа? – спрашивает он наконец.

– Нормально, – отвечаю я. – Пациентов много. Коллектив хороший.

Он кивает.

– Ты всегда была хорошим врачом, – говорит он. – У тебя талант. Как у деда.

Я смотрю на него. Это почти комплимент. Редкость.

– Спасибо, – говорю я тихо.

Пауза.

– Как жилось в Москве? – спрашивает он.

Я напрягаюсь. Не хочу говорить о Москве. Не хочу вспоминать Максима, Киру, клинику, из которой меня фактически выгнали.

– По-разному, – отвечаю я уклончиво. – Сначала хорошо. Потом стало понятно, что большой город – не мое. Слишком шумно. Слишком много людей. Я скучала по дому.

Вру. Я не скучала. Я ненавидела этот город, когда уезжала. Но отцу не скажу правду.

Он кивает.

– Понятно, – говорит он.

Снова молчание.

А потом он произносит:

– Марина только недавно оправилась после всего.

Я сжимаю чашку в руках.

– Рада за нее, – говорю я ровным голосом.

Отец смотрит на меня.

– Ей было тяжело, Вера, – говорит он. – Очень тяжело. Потерять ребенка – это страшно. Она была на грани нервного срыва. Дмитрий за ней ухаживал, поддерживал. Хороший парень. Они поженились тихо, без торжества. Из-за траура по ребенку. Но он ее любит. Это видно.

Каждое его слово – как удар ножом. Я слушаю и чувствую, как внутри все сжимается в комок.

Он говорит о Марине. О ее боли. О ее потере. О том, какая она хрупкая, ранимая.

А обо мне ни слова.

И я не выдерживаю.

– Пап, – говорю я, и голос мой звучит резче, чем я хотела. – Ты хоть раз подумал, каково было мне?

Он смотрит на меня удивленно.

– Что? – переспрашивает он.

– Мне, – повторяю я. – Каково было мне узнать, что моя сестра беременна от моего жениха? За три недели до свадьбы? Ты хоть раз об этом подумал?

Отец молчит. Лицо его каменеет.

– Вера, – говорит он медленно, – ты всегда думала только о себе.

– Что? – шепчу я.

– Ты эгоистка, – продолжает он, и голос его становится жестче. – Марина – младшая. Она всегда была ранимой. После смерти мамы она нуждалась в поддержке. А ты – сильная. Ты должна была понять. Должна была простить. Она не хотела тебя обидеть. Она просто влюбилась. Это не преступление.

Глава 10

– Ты эгоистка, – продолжает он, и голос его становится жестче. – Марина – младшая. Она всегда была ранимой. После смерти мамы она нуждалась в поддержке. А ты – сильная. Ты должна была понять. Должна была простить. Она не хотела тебя обидеть. Она просто влюбилась. Это не преступление.

Я смотрю на него и не верю своим ушам.

– Не преступление? – повторяю я. – Она спала с моим женихом, пап! Она забеременела от него! За три недели до нашей свадьбы!

– Она не планировала этого! – повышает голос отец. – Это просто случилось! А ты что сделала? Сбежала! Уехала, не сказав никому ни слова! Бросила ее одну! Она была беременной, напуганной, а ты исчезла!

– Я должна была остаться? – кричу я. – Я должна была поддерживать ее? Обнимать? Радоваться, что она украла у меня жениха?

– Ты должна была быть мудрее! – отец встает, и лицо его краснеет. – Ты старшая! Ты должна была подумать о семье! О репутации! Ты знаешь, что обо мне говорили после твоего отъезда? Что я не смог воспитать дочь! Что ты позоришь фамилию Ароновых!

– Я позорю? – шепчу я. – Я?

– Да! – кричит он. – Ты уехала! Это было эгоизмом! Ты бросила семью в самый тяжелый момент! Из-за твоего отъезда Марина так разнервничалась, что потеряла ребенка! Из-за твоего эгоизма мой внук умер.

Тишина.

Я смотрю на отца. На его красное лицо, на сжатые губы, на глаза, полные гнева. Я хочу что-то сказать, но вместо этого поворачиваюсь и иду к выходу.

– Вера! – окликает меня отец. – Ты куда?

Я не оборачиваюсь. Иду по коридору, хватаю куртку с вешалки, открываю дверь и выхожу на лестничную площадку. Дверь за мной захлопывается с глухим стуком.

Спускаюсь по лестнице, шаги эхом отдаются в пустом подъезде. Выхожу на улицу и останавливаюсь.

Идет дождь.

Холодный апрельский дождь, который хлещет по лицу. Небо серое, низкое. Я стою под дождем и не двигаюсь. Вода стекает по щекам, смешивается с солеными дорожками слез, которые я больше не могу сдерживать.

Иду вперед. Не знаю, куда, просто иду. По тротуару, мимо домов, мимо людей, которые бегут под зонтиками и прячутся от дождя. А я иду медленно, насквозь промокая, и мне все равно.

«Ты убила моего внука».

Эти слова звучат в голове, как заезженная пластинка. Я пытаюсь отогнать их, но они возвращаются снова и снова.

Я не убивала. Я просто уехала. Я имела право уехать. Я не виновата.

Но все равно все обвиняют меня.

Дождь усиливается. Я вся промокла, но иду дальше.

Оказываюсь в парке. Том самом парке, где мы с мамой гуляли, когда я была маленькой. Здесь есть старая деревянная лавочка под большим дубом. Мама любила сидеть на ней и смотреть на озеро. Она говорила, что вода ее успокаивает.

Я подхожу к лавочке и опускаюсь на нее. Дождь барабанит по листьям дуба, стекает с веток. Я сию, обхватив себя руками, и плачу. Плачу так, как не плакала уже давно. Громко, навзрыд.

Мама поняла бы меня. Она бы обняла, погладила по голове, сказала, что все будет хорошо. Она бы не обвинила. Не сказала, что я эгоистка. Не назвала меня убийцей.

Но мамы нет.

И я одна. Совсем одна.

Наконец встаю с лавочки и медленно иду домой. Тяжело, как во сне. Добираюсь до своей съемной квартиры, захожу внутрь и снимаю мокрую одежду. Встаю под горячий душ и стою там долго.

Выхожу, вытираюсь, надеваю пижаму. Ложусь в кровать и закрываю глаза.

Сплю тревожно, с кошмарами. Вижу отца, его обвиняющий взгляд. Вижу Марину, ее живот, ее слезы. Вижу кровь. Много крови.

Просыпаюсь рано утром в холодном поту. За окном еще темно. Смотрю на часы – пять утра. Понедельник.

Рабочий день.

Прихожу в отделение раньше всех. Включаю компьютер, открываю карты пациентов. Погружаюсь в работу с головой. Это единственное, что у меня есть. Единственное, что держит меня на плаву.

Приходят пациенты. Первая – пожилая женщина лет семидесяти, Антонина Федоровна. Жалуется на слабость, одышку, отеки на ногах. Говорит, что уже два месяца ходит по врачам, но никто не может понять, в чем дело. Сдавала анализы, делала кардиограмму – все вроде бы в норме, но ей не легчает.

Я внимательно слушаю, задаю вопросы. Смотрю ее карту, изучаю результаты обследований. Что-то здесь не так.

– Скажите, Антонина Федоровна, у вас бывает сухость во рту? – спрашиваю я.

Она задумывается.

– Бывает, – кивает она. – Особенно по утрам. Думала, это от возраста.

– А кожа не стала суше? Волосы не стали выпадать больше обычного?

Она смотрит на меня удивленно.

– Стала. И волосы выпадают. Я думала, это тоже из-за возраста.

Я беру стетоскоп, слушаю ее сердце. Ритм замедленный. Прощупываю щитовидную железу – немного увеличена.

– Антонина Федоровна, – говорю я, – я подозреваю у вас гипотиреоз. Это снижение функции щитовидной железы. Нужно сдать анализы на гормоны.

Она смотрит на меня с надеждой.

– И это лечится?

– Да, – киваю я. – Лечится. Если анализы подтвердят диагноз, назначим вам гормональную терапию, и вам станет легче.

Она благодарит меня, и в ее глазах появляются слезы.

– Спасибо вам, доченька, – говорит она. – Я уже думала, что так и буду мучиться.

Я выписываю направления на анализы, объясняю, где и когда их сдать. Она уходит, а я сижу за столом и чувствую, что внутри что-то теплеет. Хоть здесь я могу помочь. Хоть здесь я не бессильна.

Следующий пациент – мужчина средних лет с гипертонией. Потом молодая девушка с аритмией. Потом еще одна пожилая женщина с бронхитом.

Я работаю, не поднимая головы. Записываю, выписываю, назначаю обследования. Работа заполняет меня целиком, не оставляя места для мыслей об отце, о Марине, о вчерашнем дне.

В обед выхожу в коридор, чтобы размяться. Стою у окна, смотрю на улицу. Дождь закончился, но небо все еще серое.

– Доктор Аронова? – слышу я за спиной.

Оборачиваюсь. Передо мной стоит Андрей Михайлович, главврач. Он в белом халате, со стетоскопом на шее, с папкой в руках.

– Здравствуйте, Андрей Михайлович, – говорю я.

– Здравствуйте, – кивает он. – Можно на пару минут?

– Конечно.

Он подходит ближе.

– Слышал, вы сегодня поставили диагноз Кравцовой, – говорит он. – Гипотиреоз?

Я киваю.

– Да. Она два месяца ходила по врачам, но никто не обратил внимания на симптомы. Я направила ее на анализы.

Соколов смотрит на меня внимательно.

– Хорошая работа, – говорит он. – Вы молодец.

Я чувствую, как щеки краснеют.

– Спасибо, – говорю я тихо.

Он уходит по коридору, а я возвращаюсь в кабинет. Принимаю еще нескольких пациентов. К концу дня устаю так, что едва держусь на ногах. Но это хорошая усталость. Усталость от работы, а не от мыслей.

Собираю вещи, выхожу из кабинета. В коридоре тихо, почти все уже ушли. Иду к выходу, и вдруг вижу впереди знакомую фигуру.

Марина.

Она стоит у окна в конце коридора, спиной ко мне и смотрит в окно.

Я замираю. Можно развернуться и уйти другим путем. Но что-то внутри меня протестует – почему я должна прятаться? Я ничего не сделала.

Поэтому делаю шаг вперед. Потом еще один. Марина слышит мои шаги и оборачивается.

Мы смотрим друг на друга. Впервые за два года так близко.

– Привет, Вера, – говорит она тихо.

Ее голос. Я забыла, какой он. Мягкий, чуть хриловатый. Голос, который я слышала всю свою жизнь.

– Привет, – отвечаю я сухо.

Она делает шаг ко мне, и я вижу, как ее руки теребят край халата. Она опускает глаза, потом снова поднимает их на меня.

– Я хотела с тобой поговорить, – говорит она.

Глава 11

– Я хотела с тобой поговорить, – говорит Марина.

Я молчу. Жду.

– Я знаю, что ты, наверное, не хочешь меня слушать, – продолжает она. – Но я все это время мучилась. Я не могла жить спокойно, зная, что между нами все так.

Я смотрю на нее и чувствую, как внутри меня зарождается негодование. Она мучилась? Она?

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я прямо.

– Я хочу, чтобы ты меня простила, – говорит она, и в ее голосе появляются слезы. – Мы же сестры. Мы же одна кровь. Я не могу так больше.

Я слушаю ее слова, смотрю на ее лицо, на потупленный взгляд, на руки, которые продолжают теревить халат. Она выглядит как жертва. Как человек, который страдает и просит прощения.

Но что-то не сходится.

Я знаю свою сестру всю жизнь. Я знаю, как она умеет играть. Как она манипулировала отцом, когда хотела получить что-то. Как она умела прикинуться слабой и беззащитной перед учителями, когда не сделала домашнее задание. Как она притворялась перед подругами, когда хотела, чтобы они встали на ее сторону.

Марина всегда была актрисой. Она умела казаться жертвой, даже когда была агрессором.

Я смотрю ей в глаза, ищу в них боль, но вижу только расчет.

И тут же гоню эту мысль. Может, я несправедлива. Может, она правда раскаивается. Может, два года изменили ее так же, как изменили меня. Может, она страдала, и это страдание сделало ее другой.

Я хочу поверить в это. Хочу верить, что моя младшая сестра, с которой мы росли вместе, делили одну комнату, играли в куклы, смеялись по ночам под одеялом – что она не монстр. Что она человек, который может сожалеть.

– Марина, – говорю я медленно, – я не знаю, что тебе ответить. Мне нужно время.

Она кивает, и по ее щеке скатывается слеза.

– Я понимаю, – шепчет она. – Я просто хотела, чтобы ты знала.

Она разворачивается и делает несколько шагов к лестнице. Потом останавливается и оборачивается.

– Кстати, – говорит она, и голос ее звучит уже иначе – легче, почти небрежно, – Дима передает привет. Он рад, что ты вернулась.

И она улыбается.

Эта улыбка. Я вижу ее всего секунду, но этого достаточно. В ней нет тепла. В ней торжество.

Марина уходит по лестнице, а я стою в пустом коридоре и понимаю: она пришла не мириться. Она пришла не просить прощения.

Она пришла пометить территорию.

Она пришла показать мне, что Дима – ее. Что отец – на ее стороне. Что в этом городе, в этой больнице она – победитель, а я – проигравшая.

Я сжимаю сумку и иду к выходу, стараясь дышать ровно.

Дед Семеныч кивает мне на прощание, но я даже не могу ответить. Выхожу на улицу. Холодный апрельский ветер бьет в лицо, и я иду быстро, почти бегу к своей съемной квартире.

Когда все пошло не так?

В какой момент моя сестра превратилась в чужого человека. Или она всегда была такой, просто я не замечала?

Я снова вспоминаю ее улыбку в коридоре. Эту холодную, торжествующую улыбку.
И понимаю: моя сестра не хочет мира. Она хочет войны.

Вторник начинается как обычно. Прихожу в отделение, включаю компьютер, готовлюсь к приему.

Через иду за анализами пациентки в лабораторию и встречаю в коридоре Шатрова.

– Вера Геннадьевна, – останавливает он меня, – зайдите ко мне в кабинет, пожалуйста.

Я чувствую, как внутри все сжимается.

– Сейчас?

– Да, – кивает он. – Ненадолго.

Иду за ним в кабинет. Он закрывает дверь, садится за стол, открывает папку и достает какие-то бумаги. Смотрит на них, хмурится.

– Вера Геннадьевна, – говорит он, – я просмотрел вашу документацию. У меня есть несколько замечаний.

– Какие именно? – спрашиваю я.

– Ну вот, например, – он указывает на один из листов, – здесь вы не указали точное время назначения процедуры. А здесь не поставили печать.

Я смотрю на бумаги. Это мелочи. Совершенно незначительные. Все врачи иногда забывают поставить печать или указать время с точностью до минуты.

– Я исправлю, – говорю я спокойно.

– И вот еще, – продолжает он, – я заметил, что вы назначаете довольно много дополнительных обследований. Это увеличивает расходы отделения.

Я напрягаюсь.

– Я назначаю только те обследования, которые необходимы для постановки диагноза, – говорю я.

– Да, конечно, – кивает он. – Но, знаете, Вера Геннадьевна, вы еще новенькая. Вам стоит быть осторожнее. Не стоит брать на себя слишком много.

Я смотрю на него и понимаю: это не про документацию. Это про что-то другое.

– Что вы имеете в виду? – спрашиваю я.

Он улыбается. Маслянистая, скользкая улыбка.

– Я имею в виду, что молодым специалистам стоит быть скромнее, – говорит он. – Не лезть вперед, не выделяться. Вы понимаете?

Я понимаю. Он видел, как Соколов разговаривал со мной в коридоре и хвалил. И ему это не понравилось.

– Я просто делаю свою работу, – говорю я ровно.

– Конечно, конечно, – кивает он. – Но все-таки будьте аккуратнее, Вера Геннадьевна. Здесь свои порядки, своя атмосфера. Нужно уметь вливаться в коллектив.

Я молчу, понимая, куда он клонит, но я держу себя в руках.

Он откидывается на спинку кресла, смотрит на меня.

– Ладно, идите, – говорит он. – Работайте. И помните, что я сказал.

Я встаю, выхожу из кабинета. В коридоре останавливаюсь, прислоняюсь к стене. Руки дрожат.

Что это было? Предупреждение? Угроза?

Возвращаюсь в свой кабинет. Пытаюсь сосредоточиться на работе, но мысли путаются.

Вечером, когда почти все уже ушли, снова вызывает Шатров. Я иду к нему с тяжелым предчувствием.

Захожу в кабинет. Он сидит за столом, улыбается.

– Вера Геннадьевна, проходите, – говорит он. – Садитесь.

Глава 12

– Вера Геннадьевна, проходите, – говорит Шатров. – Садитесь.

Сажусь.

Он смотрит на меня оценивающе.

– Знаете, – говорит он наконец, – я тут подумал, что мы с вами как-то не так начали. Давайте начнем сначала. Я бы хотел узнать вас получше. Может, поужинаем сегодня вместе? Обсудим вашу работу, планы, перспективы.

Я смотрю на него и чувствую отвращение. Вот оно. Вот что он хотел с самого начала.

– Спасибо, Игорь Валерьевич, – говорю я холодно, – но я не могу.

Его улыбка не меняется, но в глазах появляется что-то жесткое.

– Почему? – спрашивает он.

– У меня нет времени, – отвечаю я. – Я много работаю.

– Ну что вы, – говорит он мягко, – всегда можно найти время для приятного общения с коллегами. Это полезно для карьеры, знаете ли.

Я встаю.

– Спасибо за предложение, но я отказываюсь, – говорю я твердо.

Он тоже встает. Улыбка исчезает.

– Жаль, – говорит он. – Очень жаль. Я ведь могу помочь вам закрепиться здесь, Вера Геннадьевна. А могу – и помешать. Вы понимаете?

Я смотрю на него и чувствую, как внутри все холодеет.

– Понимаю, – говорю я тихо.

– Вот и хорошо, – кивает он. – Подумайте еще. Предложение в силе.

Выхожу из кабинета, достаю телефон, пишу Наташе: «Кажется, мой заведованием – мразь».

Ответ приходит почти сразу: «Шатров? О нем слухи ходят давно, но он всегда выкручивается. Будь осторожна».

В голове туман. Почему все так? Почему я не могу просто работать? Почему всегда кто-то хочет что-то от меня, кроме профессионализма?

Следующие несколько дней проходят в напряжении, словно я хожу по натянутой струне, которая вот-вот лопнет. Шатров не оставляет меня в покое.

Он появляется в коридоре, когда я иду на обед, останавливает меня якобы для обсуждения рабочих вопросов, но разговор всегда скатывается к личному. Он спрашивает, где я живу, одна ли, есть ли у меня кто-то. Я отвечаю коротко, сухо, стараясь держать дистанцию, но он не сдается.

Он заходит в мой кабинет во время приема, когда я с пациентом, стоит рядом, кладет руку мне на спину, якобы смотрит на бумаги, но прикосновение затягивается на несколько секунд дольше, чем нужно. Я вздрагиваю, отстраняюсь, но он делает вид, что ничего не произошло, улыбается пациенту и уходит.

В среду он снова вызывает меня к себе. Я прихожу, сажусь напротив него. Он говорит о графике, о том, что мне нужно будет дежурить в выходные, хотя я знаю, что это не моя очередь. Я возражаю, но он перебивает меня мягким голосом: «Вера Геннадьевна, вы же хотите, чтобы к вам хорошо относились в коллективе? Нужно быть гибкой».

Я соглашаюсь, потому что не знаю, что еще делать. Но внутри у меня все кипит от злости и бессилия.

В четверг он садится рядом со мной за обедом в столовой. Слишком близко. Его нога касается моей под столом. Я отодвигаюсь, но он продолжает разговор, словно ничего не про-

исходит. Рассказывает про свою жизнь, про то, как он много работает, как устает, как дома его не понимают.

Я слушаю молча, не зная, как выйти из этой ситуации, не создавая скандала. Пожаловаться отцу? Или главврачу? Но Соколов – новый человек в больнице, он здесь всего полгода, а Шатров – двадцать лет. Кому он поверит?

В пятницу я начинаю избегать Шатрова. Стараюсь не попадаться ему на глаза, выхожу из кабинета только в туалет или в лабораторию, обедаю в разное время. Но это не помогает. Он все равно находит меня.

Вечером, когда все уже ушли, а я задержалась, чтобы закончить документацию, он заходит ко мне в кабинет.

Я сижу за столом, печатаю заключение. Слышу шаги в коридоре, думаю, что это охранник, который обходит отделение перед закрытием. Но дверь открывается, и входит Шатров.

Я вздрагиваю, оборачиваюсь. Он улыбается.

– Вера Геннадьевна, – говорит он мягко, – вы еще здесь? Так поздно работаете?

– Заканчиваю документы, – отвечаю я коротко, поворачиваюсь обратно к компьютеру.

Он не уходит. Проходит в кабинет, закрывает дверь. Я чувствую, как сердце начинает биться быстрее.

Он подходит ближе, садится на край моего стола. Слишком близко. Я отодвигаюсь назад настолько это возможно, но он наклоняется ко мне.

– Вера, – говорит он, переходя на «ты», и от этого становится еще хуже, – ты избегаешь меня. Почему?

– Я не избегаю, – говорю я, глядя на экран компьютера, а не на него. – Я просто много работаю.

– Ну что ты, – усмехается он, – я же вижу. Ты убегаешь, как только я появляюсь. Это обидно, знаешь ли.

Я молчу. Не знаю, что сказать. Внутри все сжимается от страха и отвращения.

– Знаешь, Вера, – продолжает он задумчиво, – я одинокий человек. Жена меня не понимает. Живем как соседи уже много лет. Дети выросли, разъехались. Дома пустота. А на работе – тоже никакого тепла. Все только требуют, требуют, требуют. А мне хочется просто человеческого общения. Понимаешь?

Я киваю молча, но не оборачиваюсь. Руки на клавиатуре дрожат.

– Ты красивая женщина, – говорит он тише, – умная, талантливая. Мне нравится с тобой работать. Нравится смотреть на тебя. А ты так холодна. Почему?

– Игорь Валерьевич, – говорю я, поворачиваясь к нему, – я ценю вашу... поддержку, но мне нужно закончить работу. Уже поздно.

– Не так уж поздно, – возражает он. – И мы могли бы провести время вместе. Поужинать где-нибудь, поговорить по душам. Тебе же тоже одиноко, правда? Я знаю, что ты одна. Отец мне говорил, что ты вернулась из Москвы, что у тебя там не сложилось. Наверное, тяжело было?

Я чувствую, как внутри все переворачивается. Отец обсуждал меня с ним?

– Мне не тяжело, – говорю я твердо. – Все нормально.

– Ну брось, – усмехается он. – Мы оба взрослые люди. Оба одиноки. Оба устали от жизни. Почему бы нам не поддержать друг друга?

И он кладет руку мне на плечо.

Я замираю. Его ладонь тяжелая, горячая. И он ведет ее ниже, к лопатке, потом еще ниже, к талии.

– Не нужно так напрягаться, – шепчет он. – Расслабься. Я не сделаю ничего плохого. Тебе понравится, обещаю.

Глава 13

– Не нужно так напрягаться, – шепчет он. – Расслабься. Я не сделаю ничего плохого. Тебе понравится, обещаю.

Внутри что-то взрывается. Я вскакиваю со стула так резко, что он вздрагивает от неожиданности и отдергивает руку.

– Если вы еще раз ко мне прикоснетесь, – говорю я громко и твердо, – я напишу на вас заявление.

Он смотрит на меня несколько секунд, и выражение его лица меняется мгновенно. Улыбка исчезает, словно ее и не было. Глаза становятся холодными, жесткими. Он медленно встает с края стола, поправляет пиджак и смотрит на меня с насмешкой.

– Кому ты напишешь? – спрашивает он с усмешкой. – Я здесь заведующий. Папочке пожалуешься? Так он сам тебя сюда сплавил, чтобы глаза не мозолила. Главврачу? Соколов новенький, ему сейчас не до разборок. Он только пришел, ему нужно укреплять свои позиции, а не ссориться со старыми кадрами. Так что подумай хорошенько, Верочка, прежде чем строить жалобы.

Он проходит мимо меня к двери, останавливается на пороге и оборачивается.

– И еще, – добавляет он спокойно, – я бы на твоём месте не забывал, что ты здесь на испытательном сроке. Я могу в любой момент написать, что ты не справляешься. И тебя уволят. Без разговоров. Подумай об этом.

Он выходит и закрывает дверь. Я остаюсь стоять, не в силах пошевелиться.

Что мне делать? Я не могу так дальше работать. Не могу каждый день бояться, что он войдет в кабинет, прикоснется ко мне, скажет что-то. Не могу.

К понедельнику принимаю решение: пойду к отцу и расскажу ему все. Он должен помочь мне. Он же все-таки мой отец.

Прихожу в больницу пораньше, иду прямо к нему в кабинет, до начала рабочего дня. Стучу и вхожу. Отец удивленно смотрит на меня.

– Вера? Что-то случилось?

– Пап, можно с тобой поговорить? – спрашиваю я.

Он кивает, и я сажусь напротив него.

– Что случилось? – повторяет он.

– У меня проблема, – говорю я медленно, подбирая слова. – С Игорем Валерьевичем.

Отец хмурится.

– Какая проблема?

– Он... пристаёт ко мне, – я стараюсь говорить ровно, без эмоций, просто излагая факты.

– Делает грязные намеки, приглашает на ужины, прикасается ко мне.

Отец слушает, и я вижу, как его лицо меняется. Но не так, как я ожидала. Он не взрывается от гнева. Не хватается за телефон, чтобы звонить Шатрову или главврачу. Он хмурится, но это не гнев за дочь. Это раздражение.

– Вера, – говорит он медленно, – Игорь Валерьевич – уважаемый человек. Он двадцать лет в этой больнице. Его знают, уважают. Он хороший врач и руководитель.

Я смотрю на него, не веря своим ушам.

– Пап, я не вру, – говорю я тихо. – Я говорю правду. Он действительно...

– Ты наверняка неправильно поняла, – перебивает он меня. – Игорь Валерьевич человек открытый, дружелюбный. Может, он просто хотел помочь тебе адаптироваться, поддержать. А ты восприняла это как что-то другое.

Я молчу, глядя на отца. Он не верит мне. Меня затапливает отчаянием.

– Папа, он положил руку мне на колено! Это не дружелюбие. Это домогательство!
Отец откидывается на спинку кресла и смотрит на меня.

– Вера, – говорит он наконец. – Я знаю тебя. Ты всегда драматизируешь. Как с Мариной – раздула из мухи слона и уехала. Не выслушала никого, не дала шанса разобраться. Просто сбежала.

Эти слова бьют меня сильнее, чем любая пощечина. Я сижу и смотрю на отца, и понимаю: он выбрал Шатрова. Выбрал спокойствие и свою репутацию. Выбрал не верить мне.

– Я не драматизирую, – говорю я тихо, из последних сил. – Я говорю правду. Мне нужна твоя помощь.

– Моя помощь? – Отец качает головой. – Вера, я уже помог тебе. Устроил на работу, когда ты приехала из Москвы неизвестно почему. Я дал тебе место в хорошем отделении. А ты через две недели приходишь с обвинениями в адрес заведующего. Ты понимаешь, как это выглядит?

Я встаю.

– Понимаю, – говорю я. – Это выглядит так, будто твоя дочь снова доставляет тебе неудобства.

– Вера...

– Спасибо за разговор, – перебиваю я его и выхожу из кабинета, тихо закрывая дверь за собой.

Я иду в свой кабинет, закрываю дверь и сажусь за стол. Кладу голову на руки и сижу так, не плача, просто пытаюсь дышать. Внутри все обрывается, все разваливается на части, и я не знаю, как это остановить.

Рабочий день проходит как в тумане. Я веду прием, осматриваю пациентов, заполняю карты, улыбаюсь, киваю, отвечаю на вопросы. Все на автомате, внутри пустота.

К вечеру я еду домой. Поднимаюсь по лестнице, отпираю дверь. Снимаю пальто, вешаю его на крючок. Разуваюсь. Захожу на кухню, ставлю чайник. Смотрю, как вода закипает. Наливаю чай. Сажусь за стол.

И только тогда понимаю, что руки дрожат.

Ночью не сплю. Лежу в темноте, смотрю в потолок, слушаю, как за окном шумят деревья. Пытаюсь успокоиться, дышать ровно, но сердце колотится все сильнее. Воздуха не хватает. Я встаю, иду в ванную, включаю свет. Смотрю на себя в зеркало: бледное лицо, расширенные зрачки, мокрые от пота волосы. Паническая атака. Первая за полгода. В Москве они были несколько раз после известия о беременности Марины. Потом прошли. А теперь снова вернулись.

Я сажусь на пол ванной, прислоняюсь спиной к холодной стене. Считаю вдохи. Раз. Два. Три. Четыре. Выдох. Снова. Вдох. Выдох. Медленно. Ровно. Сердце стучит так, будто сейчас выпрыгнет из груди. Руки трясутся. Я обхватываю колени руками, прижимаю их к себе и качаюсь взад-вперед, как ребенок. Считаю вдохи. Одна. Совсем одна. Некому позвонить. Не к кому пойти. Папа не верит. Марина враг. Мамы нет. Наташа спит сейчас, ей завтра на смену, я не могу ее беспокоить. Я одна на этом холодном полу в маленькой съемной квартире, и никто не придет.

Паника отпускает только к утру. Я встаю с пола на негнувшихся ногах, умываюсь холодной водой, смотрю в зеркало. Красные глаза, синяки под ними, бледное лицо. Надо идти на работу. Надо держаться. Я одеваюсь, завариваю крепкий кофе, выпиваю его обжигающим и выхожу из квартиры.

В больнице сталкиваюсь с Андреем Михайловичем. Он видит меня и останавливается.

– Вера Геннадьевна, доброе утро, – говорит он.

– Доброе утро, Андрей Михайлович, – отвечаю я и пытаюсь улыбнуться.

Он смотрит на меня внимательно, и я чувствую, как его взгляд задерживается на моем лице. Он замечает красные глаза, бледность, напряжение. Я вижу, как его брови чуть сдвигаются.

– У вас все в порядке? – спрашивает он тихо.

– Да, все хорошо, – отвечаю я быстро. – Просто немного не выпалась.

Он молчит секунду, и я вижу, что он не верит мне. Но не настаивает.

– Если нужна помощь, обращайтесь, – говорит он и идет дальше.

Я стою в коридоре и смотрю ему вслед. Внутри что-то сжимается. Может, стоило сказать? Но нет. Я уже обожглась на доверии. Дима изменил. Отец не поверил. Максим предал. Я больше никому не верю.

День тянется бесконечно. К обеду у меня на приеме появляется молодой парень, лет двадцать пять. Бледный, худой, жалуется на перебои в сердце, слабость, головокружение. Я осматриваю его, слушаю сердце, делаю ЭКГ. Смотрю на запись и хмурюсь. Что-то не так. Аритмия, но не обычная. Я беру карту, изучаю анамнез, задаю дополнительные вопросы. Парень говорит, что приступы начались недавно, раньше ничего подобного не было. Я подозреваю редкий синдром, но, чтобы подтвердить, нужны дополнительные исследования.

Иду к Шатрову. Стучу в дверь его кабинета, захожу. Он сидит за столом, что-то печатает на компьютере. Поднимает глаза, видит меня, и на его лице появляется улыбка. Скользящая, неприятная.

– Верочка, заходи, – говорит он. – Что хотела?

Глава 14

– Верочка, заходи, – говорит он. – Что хотела?

Я игнорирую фамильярное обращение, подхожу к столу, протягиваю ему карту пациента.

– У меня молодой пациент с неясной кардиологической симптоматикой. Я подозреваю синдром Бругада. Нужно назначить дополнительные исследования: холтеровское мониторирование, ЭхоКГ, генетический анализ.

Шатров берет карту, смотрит на нее, скорее для вида.

– Синдром Бругада? – переспрашивает он с усмешкой. – Верочка, это же редчайшая патология. У него обычная аритмия. Назначь стандартную терапию ипусти.

– Я уверена, – говорю я твердо. – Клиническая картина соответствует. Если не обследовать сейчас, можем пропустить жизнеугрожающее состояние.

Шатров откидывается на спинку кресла, смотрит на меня с раздражением.

– Вера, я заведующий отделением. Я здесь работаю двадцать лет. И я говорю тебе: это обычная аритмия. Незачем гонять пациента по обследованиям и пугать его страшными диагнозами.

– Я действую по протоколу, – говорю я спокойно. – При подозрении на синдром Бругада показаны дополнительные исследования. Я имею право их назначить.

Лицо Шатрова темнеет.

– Ты имеешь право? – повторяет он с издевкой. – Не забывайся. Я запрещаю тебе назначать что-либо без моего согласия.

– Вы не можете, – говорю я. – Потому что я действую строго по протоколу. И если вы запретите мне назначить необходимые обследования, а с пациентом что-то случится, отвечать будете вы.

Мы смотрим друг на друга. Шатров злится, я вижу, как желваки ходят у него на скулах. Но он понимает, что я права. Формально отказать он не может.

– Делай что хочешь, – бросает он наконец. – Но если это окажется пустой тратой времени и денег, разговор будет другой.

Я выхожу из его кабинета, сжав кулаки. Руки дрожат, но я назначаю все необходимые исследования. Парень проходит их в течение двух дней. Результаты приходят в четверг к вечеру.

Я смотрю на них и понимаю: я была права. Синдром Бругада. Редкая генетическая патология, которая может привести к внезапной остановке сердца. Пациенту нужно наблюдение кардиолога, возможно, установка дефибриллятора. Если бы я послушала Шатрова и отпустила парня с обычной терапией, он мог умереть.

Я распечатаваю результаты, иду к Шатрову. Кладу их на его стол молча. Он читает, и я вижу, как его лицо меняется. Он понимает, что я была права, что он мог совершить врачебную ошибку, что формально он виноват. Но признать это вслух он не может. Его самолюбие не позволяет.

– Хорошо, – говорит он сухо, не поднимая глаз. – Направишь пациента к кардиологу.

Все. Никакого признания моей правоты. Никаких извинений. Я разворачиваюсь и ухожу. Внутри горит злость, но вместе с ней приходит что-то еще. Удовлетворение. Я сделала свое дело. Я спасла человека. И это важнее Шатрова и его уязвленного самолюбия.

В пятницу утром планерка. Весь медперсонал собирается в конференц-зале: врачи, медсестры, заведующие отделениями. Андрей Михайлович стоит у доски, говорит о текущих делах, о новых протоколах, о статистике. Я сижу в третьем ряду, стараюсь быть незаметной. Шатров сидит впереди, рядом с другими заведующими, в том числе с отцом.

– Отдельно хочу отметить работу отделения функциональной диагностики, – говорит Андрей Михайлович, и я поднимаю глаза. – На этой неделе врач Вера Геннадьевна Аронова выявила редкую кардиологическую патологию у молодого пациента. Синдром Бругада. Диагноз подтвержден всеми исследованиями. Благодаря ее внимательности и профессионализму удалось предотвратить возможную трагедию.

В зале тишина. Все смотрят на меня. Я чувствую, как лицо горит. Андрей Михайлович смотрит на меня с одобрением, и в его взгляде нет ни капли снисходительности. Только уважение.

– Это именно тот уровень работы, который мы должны поддерживать, – продолжает он. – Спасибо вам, Вера Геннадьевна.

Я киваю, а внутри все переворачивается. Меня хвалят при всех. За мою работу. Не за фамилию, не за связи, а за то, что я действительно сделала.

Шатров недоволен. Он кривится, и я понимаю: для него это удар. Я не послушалась его, оказалась права, и теперь главврач меня хвалит. Его авторитет под угрозой.

Отец сидит рядом с ним. Я смотрю на него, надеясь увидеть хоть каплю гордости. Но его лицо непроницаемо. Он смотрит прямо перед собой, не поворачиваясь ко мне.

Планерка заканчивается. Все расходятся. Я встаю, собираюсь уйти, но Андрей Михайлович останавливает меня:

– Вера Геннадьевна, задержитесь на минутку, пожалуйста.

Я киваю, жду, пока все выйдут. Шатров проходит мимо меня, бросает короткий взгляд, полный злости. Отец уходит, даже не взглянув. Наташа, проходя, сжимает мою руку и шепчет: «Молодец». Я благодарна ей за это.

Когда все уходят, Андрей Михайлович подходит ближе.

– Пройдемте в мой кабинет, – говорит он.

Мы идем по коридору молча. Я нервничаю. Не знаю, чего ожидать. Может, он хочет что-то обсудить по пациенту? Или есть какие-то претензии?

Его кабинет просторный, светлый, с большим окном. На столе аккуратно разложены бумаги, стоит фотография в рамке, но я не успеваю разглядеть, кто на ней. Андрей Михайлович садится за стол, жестом предлагает мне сесть напротив.

– Как вы себя чувствуете на новом месте? – спрашивает он, и в его голосе слышится искренний интерес.

Я не ожидала такого вопроса.

– Хорошо, – отвечаю я осторожно. – Работа мне нравится. Пациенты идут, случаи интересные.

Он кивает, смотрит на меня внимательно.

– А коллектив? Отношения с коллегами?

Я замираю. Что он имеет в виду? Знает ли он что-то? Я осторожно отвечаю:

– Коллектив нормальный. Все профессионалы.

– Вера Геннадьевна, – говорит он тихо, – я главный врач этой больницы уже полгода. Я знаю, что здесь не все идеально. Я знаю, что есть люди, которые злоупотребляют своим положением. И я хочу, чтобы вы понимали: если у вас возникнут какие-то сложности, вы можете прийти ко мне. В любое время.

Сердце бьется чаще. Он знает. Или догадывается. О Шатрове. Может, и о других вещах. Я смотрю на него, и на секунду думаю: рассказать? Рассказать, как Шатров пристаёт, угрожает? Как отец не поверил мне? Как я осталась совсем одна?

Но потом вспоминаю реакцию отца. Вспоминаю, как он встал на сторону Шатрова, а не мою. Вспоминаю Максима, который тоже когда-то говорил красивые слова, а потом выгнал меня, как собаку, когда стало опасно. Вспоминаю, что доверять нельзя никому.

– Спасибо, Андрей Михайлович, – говорю я ровно. – У меня все в порядке. Если будут какие-то проблемы, я обязательно обращусь.

Он смотрит на меня еще несколько секунд, и я вижу, что он чувствует: я что-то скрываю. Но он не настаивает.

– Хорошо, – говорит он. – Я не из тех, кто закрывает глаза на проблемы сотрудников. Помните об этом.

Я киваю, встаю.

– Можно идти?

– Да, конечно. И еще раз спасибо за вашу работу. Вы действительно отличный специалист.

Я выхожу из его кабинета, внутри все дрожит. Неужели кто-то на моей стороне? Или нет? Может, это просто слова? Может, он тоже окажется таким, как все остальные?

После работы иду в магазин. Холодильник пустой, надо купить что-то на выходные. Беру корзину, хожу по отделам. Хлеб, молоко, овощи, курица. Немного фруктов. Бутылку вина. Одну. Для себя. Чтобы вечером выпить бокал и расслабиться после этой недели.

Поворачиваю в отдел с молочкой и замираю.

У стеллажа с йогуртами стоит Дима.

Он сильно изменился. Располнел, живот выпирает из-под рубашки. Волосы поредели, залысины блестят под светом ламп. Он стоит, держит в руках упаковку творога, читает состав.

Я застываю на месте. Не знаю, что делать. Развернуться и уйти? Но он уже поднимает глаза и видит меня.

На его лице удивление, потом радость. Он улыбается.

– Вера! – говорит он громко, идет ко мне. – Вот это встреча!

Глава 15

Я стою, держу корзину в руках и смотрю на него. Когда-то я любила этого человека. Планировала связать с ним жизнь. А он изменил мне с моей сестрой и разрушил все.

– Привет, Дима, – говорю я ровно.

Он подходит ближе, и я чувствую запах его одеколона. Тот же, что и раньше. Это вызывает странное чувство.

– Как дела? – спрашивает он. – Слышал, ты в Москве была. Как там?

– Нормально, – отвечаю я коротко.

– Вернулась насовсем?

– Да.

Он кивает, улыбается шире.

– Здорово. Рад тебя видеть, правда. Ты хорошо выглядишь.

Я молчу. Не знаю, что сказать. Я не чувствую ничего. Ни ненависти, ни боли. Просто пустоту. Этот человек забрал у меня веру в людей. А теперь стоит и улыбается, как будто ничего не было.

Он замечает бутылку вина в моей корзине. Его глаза загораются.

– О, вино! – говорит он с энтузиазмом. – Планируешь вечер? Может, составлю компанию?

Я смотрю на него, не веря своим ушам.

– Что? – переспрашиваю я.

– Ну, мы же можем посидеть, поговорить, – говорит он легко. – Вспомнить старые времена. Я свободен сегодня вечером.

– Дима, – говорю я медленно, – ты женат на моей сестре.

Он машет рукой, как будто это мелочь.

– Марина сегодня дежурит. Она ничего не узнает.

Я стою и смотрю на него. Этот человек ничуть не изменился. Он изменял мне с Мариной. Теперь хочет изменять Марине со мной. Ему все равно. Он просто берет то, что ему хочется, не думая о последствиях. Не думая о людях.

– Нет, – говорю я твердо. – Спасибо, не надо.

Он хмурится.

– Да брось, Вер. Мы же взрослые люди.

– Прощай, Дима, – говорю я и разворачиваюсь.

Иду к кассе, расплачиваюсь, выхожу из магазина. Внутри поднимается тошнота. Они с Мариной стоят друг друга.

Дома наливаю себе вино. Сажу на диване, смотрю в окно. За окном темнеет. Апрельский вечер, еще прохладно, но уже чувствуется весна.

Я пью вино и вспоминаю, как Дима делал мне предложение. Это было в маленьком уютном кафе. Он заказал столик у окна, принес букет пионов. Моих любимых. Розовых, пышных, пахнущих летом. Я сидела напротив него, смеялась над его шутками, пила вино. А потом он встал, подошел ко мне, опустился на одно колено и достал маленькую коробочку с кольцом.

Я плакала от счастья. Он надел кольцо мне на палец, поцеловал меня, и сказал: «Мы с тобой навсегда».

Какая ложь.

Я допиваю вино, ставлю бокал на стол. Хочу налить еще, но останавливаю себя. Не надо напиваться. Не надо снова падать в эту яму.

Беру телефон и открываю соцсети, просто так, чтобы отвлечься. Листаю ленту. Фотографии людей, их счастливые жизни, путешествия, дети, любовь. Все это кажется таким далеким.

И тут приходит сообщение от Наташи.

Я открываю сообщение от Наташи.

«Сегодня Марина рассказывала всем на работе, что ты в Москве "жила не пойми с кем". Что у тебя там произошло?»

Я смотрю на экран, перечитываю сообщение снова и снова, словно надеюсь, что слова изменятся.

Холод заполняет меня изнутри. Начинается с груди, расползается по рукам, ногам, поднимается к горлу. Я не могу дышать нормально. Вдыхаю воздух рывками, но его не хватает.

Про Москву я не рассказывала никому. Отцу сказала только общие фразы про то, что не сошлась с ритмом большого города. Наташе тоже ничего не говорила – она единственный человек, которому я доверяю, но даже ей я не смогла раскрыть эту рану.

Максим. Кира. Угрозы по телефону. Позор, страх, бегство из Москвы.

Я думала, что все это осталось там. Что здесь, в родном городе, никто ничего не узнает. Что я просто буду работать, лечить людей, медленно собирая себя по кусочкам.

Но кто-то рассказал об этом Марине.

Но кто? Кто мог знать?

В Москве я держалась особняком, не заводила близких друзей. После разрыва с Максимом я ушла из клиники сразу, не прощаясь ни с кем. Уволилась за один день, собрала вещи из той квартиры, что он для меня снимал, и исчезла.

Никто из московских знакомых не знал, куда я уехала. Я не оставляла адресов, телефонов. Удалила страницу в соцсетях, завела новую – закрытую, без фотографий.

Так откуда?

Я подхожу к окну, прислоняюсь лбом к холодному стеклу. За окном пустынный двор, фонари светят тускло. Где-то лает собака. Апрельский вечер накрыл город темнотой.

Марина рассказывала всем на работе. Значит, не просто знает. Она распространяет информацию. Специально, чтобы унижить меня.

Но откуда Марина узнала?

Я хватаю телефон, пишу Наташе:

«Откуда она узнала? Кто ей сказал?»

Ответ приходит почти мгновенно:

«Не знаю. Она просто начала рассказывать. Говорила, что у тебя там был женатый любовник, что его жена выгнала тебя из города. Говорила с таким видом, будто сочувствует, но все понимали, что она злорадствует».

Я читаю сообщение, и внутри все переворачивается. Тошнота подступает к горлу. Я бегу в ванную, падаю на колени перед унитазом. Меня рвет. Вино, которое я только что выпила, выходит наружу вместе с остатками обеда.

Я сижу на холодном кафеле, вытираю рот дрожащей рукой. Слезы текут по лицам, я не могу их остановить.

Женатый любовник. Жена выгнала из города.

Все правда. Каждое слово правда. И теперь это знают все. Мой отец. Коллеги. Пациенты скоро узнают. Весь город узнает.

Снова я подрываю репутацию отца. Ароновы – уважаемая фамилия. А я – позор этой фамилии. Сначала сбежала перед свадьбой, бросив жениха и сестру. Теперь вернулась с клеймом любовницы.

Я возвращаюсь в комнату, снова беру телефон и пишу Наташе:

«Спасибо, что предупредила».

Она отвечает:

«Верусь, не принимай близко к сердцу. Марина – стерва. Все это знают».

Но это не помогает. Потому что даже если Марина стерва, информация, которую она распространяет – правда.

Я ложусь на диван, закрываю глаза. Пытаюсь успокоиться, дышать ровно. Но мысли не останавливаются.

Кто-то рассказал Марине. Кто-то специально нашел ее и передал информацию. Кто-то хочет уничтожить меня.

И я знаю, кто это.

Кира Рогозина.

Глава 16

Утро приходит слишком быстро. Я почти не спала. Лежала с открытыми глазами, смотрела в потолок, перебирала в голове варианты.

Кира. Это могла быть только она.

Она угрожала мне по телефону. Говорила, что уничтожит меня. Что я пожалею, что связалась с ее мужем. Максим тогда струсил, попросил меня уйти, сказал, что не может противостоять жене. Что она опасна. Что у нее связи, деньги, власть.

Я уехала из Москвы, думая, что этого достаточно. Что если я исчезну, она оставит меня в покое.

Но она не оставила.

Она нашла меня. Каким-то образом вычислила, куда я уехала. Узнала про Марину и передала ей информацию.

Но как? Как Кира могла узнать про Марину? Как она вообще нашла меня?

Я встаю с дивана, иду на кухню. Ставлю чайник. Руки все еще дрожат. Завариваю крепкий чай, пью его обжигающим, не добавляя сахар.

Сегодня суббота. Выходной. Но я не могу сидеть сложа руки, надо что-то делать. Надо выяснить, как это произошло.

Я беру телефон, ищу номер бывшей коллеги из «МедВиты». Алина. Мы не были близкими подругами, но нормально общались. Я помогала ей разбираться со сложными случаями, она угощала меня домашней выпечкой.

Набираю номер. Долгие гудки. Я уже думаю, что она не возьмет трубку, но потом слышу ее голос:

– Алло?

– Алин, привет, это Вера Аронова, – говорю я быстро.

– Вера! – удивляется она. – Какая неожиданность! Как дела?

– Нормально, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Слушай, я хотела спросить. После того, как я уволилась, в клинику кто-нибудь приходил? Спрашивал обо мне?

Пауза.

– Ну... – она замолкает. – Была одна женщина.

Сердце колотится так сильно, что я слышу его стук в ушах.

– Какая женщина? – спрашиваю я.

– Красивая такая, ухоженная. Дорого одета. Пришла почти сразу после твоего ухода. Сказала, что из Минздрава. Проверка какая-то. Расспрашивала о тебе. О том, как ты работала, были ли жалобы, почему уволилась.

– И что вы ей сказали? – спрашиваю я тихо.

– Да ничего особенного, – отвечает Алина. – Что ты хороший врач, что пациенты тебя любили. Что ушла по собственному желанию. Она попросила копию твоей трудовой книжки, твои личные данные. Мы ей все дали. Она же из Минздрава, как мы могли отказать?

Я закрываю глаза.

– Она называла свое имя? – спрашиваю я.

– Кажется, да, – вспоминает Алина. – Вроде Кира. Да, точно. Кира Олеговна.

– Спасибо, Алин, – говорю я глухо.

– Вер, что-то случилось? – спрашивает она встревоженно.

Но я кладу трубку, не отвечая.

Стою посреди кухни. Чайник кипит снова, я выключила его автоматически, даже не заметив. Чай остывает в чашке.

Кира приходила в клинику и получила все мои документы. Трудовую книжку. Личные данные. Адрес прописки.

Адрес прописки – это мой родной город. Та самая квартира, где я выросла. Где живет мой отец. Где прописана Марина.

И Кира нашла Марину.

Я не знаю, как именно. Может быть, наняла кого-то. У нее деньги, связи, власть. Она могла сделать все что угодно.

Она нашла Марину и рассказала ей обо мне. О Максиме. О том, что я была любовницей женатого мужчины. О том, что сбежала из Москвы после угроз.

И Марина, конечно, не упустила шанс. Она распространила эту информацию по всей больнице. Она хочет, чтобы я страдала. Чтобы меня здесь унижали. Чтобы я снова сбежала.

Я сажусь на пол и прислоняюсь спиной к холодильнику. Обхватываю колени руками и просто дышу.

Кира не остановилась. Она не забыла. Она нашла меня и продолжает уничтожать мою жизнь.

Я не знаю, что делать. Я не знаю, как с этим бороться.

Какие у меня шансы против такой женщины?

Выходные проходят в тумане. Я почти не выхожу из квартиры. Ем мало, сплю плохо. Все время думаю об одном и том же.

Что будет в понедельник? Как на меня будут смотреть? Что скажет отец?

В воскресенье вечером я снова открываю соцсети. И ищу страницу Киры.

Кира Вершинина-Рогозина. Красивая рыжеволосая женщина с холодными зелеными глазами. Дорогой костюм, безупречный макияж. Она стоит рядом с высоким, седым мужчиной постарше в строгом пиджаке.

Подпись под фотографией: «С папой на совещании в Минздраве».

Я смотрю на эту фотографию и чувствую, как внутри меня все сжимается в тугую комок.

Закрываю телефон и кладу его на стол. Сажусь в темноте. За окном идет дождь. Капли монотонно барабанили по стеклу.

Я вспоминаю Максима. Его голубые глаза, его улыбку, его слова: «Ты особенная, Вера. Ты не такая, как все».

Все было ложью.

Он использовал меня, Кира теперь мстит мне, а Марина добивает.

И я снова одна.

В понедельник я прихожу на работу рано, как обычно. Переодеваюсь в ординаторской, надеваю халат, собираю волосы.

Иду по коридору. Здравуюсь с теми, кого встречаю. Людмила кивает в ответ, но не улыбается. Оксана отводит взгляд. Светлана шепчется с кем-то у процедурного кабинета, замолкает, когда я прохожу мимо.

Но никто ничего не говорит. Никаких открытых нападок. Никаких злых слов.

Просто холод.

Я захожу в свой кабинет. Включаю компьютер, раскладываю документы. Жду первого пациента.

День проходит в работе. Я принимаю людей, слушаю, делаю кардиограммы, ставлю диагнозы, назначаю лечение. Работа помогает не думать.

К обеду я понимаю: слухи дошли не до всех. Часть коллег смотрит на меня странно, но часть ведет себя как обычно. Наташа заглядывает в обед, приносит мне бутерброд. Я благодарю ее. Она обнимает меня за плечи и уходит, ничего не спрашивая.

Но после обеда все меняется.

Шатров вызывает меня к себе в кабинет.

Я вхожу. Он сидит за столом, перебирает какие-то бумаги. Указывает мне на стул. Я сажусь.

– Вера Геннадьевна, – начинает он, не поднимая на меня глаз. – Мне пришлось ознакомиться с вашей работой за последние дни. К сожалению, я вынужден указать на ряд нарушений.

Глава 17

– Вера Геннадьевна, – начинает он, не поднимая на меня глаз. – Мне пришлось ознакомиться с вашей работой за последние дни. К сожалению, я вынужден указать на ряд нарушений.

Я молчу и смотрю на него. Что он еще задумал?

– Во-первых, – продолжает он, – в четверг вы опоздали на две минуты. Рабочий день начинается в восемь ноль-ноль, а вы появились в восемь ноль-две. Это недопустимо.

Я вспоминаю. Да, я действительно задержалась на пару минут. Но я сразу же приступила к работе, никаких пациентов я не заставила ждать.

– Во-вторых, – говорит Шатров, – вы неправильно оформляете карты. Вот здесь, – он указывает на распечатку, – вы не поставили печать в нужном месте. А здесь – не указали дату повторного приема.

Я смотрю на документы. Печать стоит. Просто на миллиметр левее, чем обычно. Дата указана – в соседнем поле.

Это придирки. Мелочные, абсурдные придирки.

– И, в-третьих, – продолжает Шатров, повышая голос, – на вас поступила жалоба от пациентки. Она сказала, что вы разговаривали с ней резким тоном.

– Какая пациентка? – спрашиваю я.

– Антонова Таисия Ивановна, – отвечает он.

Я вспоминаю. Пожилая женщина, которая приходила на прошлой неделе. Я объясняла ей результаты обследования, говорила спокойно и подробно. Она благодарила меня, уходя.

– Это неправда, – говорю я. – Я разговаривала с ней вежливо.

– У меня есть ее письменная жалоба, – холодно отвечает Шатров. – Вы ставите под сомнение слова пациента?

Я смотрю на него. На его довольную улыбку. На холодные голубые глаза.

Он мстит.

Я отказала ему, и теперь он мстит.

– Я напишу докладную записку руководству, – говорит Шатров. – И настоятельно рекомендую вам пересмотреть свое отношение к работе. Иначе вы вылетите отсюда.

Я встаю.

– Это все? – спрашиваю я.

– Пока да, – отвечает он и снова берется за бумаги, словно меня уже не существует.

Я выхожу из кабинета.

Мне хочется кричать. Мне хочется плакать. Но я не могу позволить себе слабость.

Вечером проходит собрание отделения.

Все сидят в ординаторской: врачи, медсестры, санитарки. Шатров стоит у доски. Говорит о планах на месяц, о новых распоряжениях, о статистике.

А потом переходит ко мне.

– К сожалению, – говорит он, обводя всех взглядом, – мне приходится указать на недостатки в работе одного из наших врачей. Веры Геннадьевны Ароновой.

Я сижу и чувствую, как на меня обращаются все взгляды.

– Опоздания, небрежность в оформлении документов, жалобы от пациентов, – перечисляет Шатров. – Это недопустимо для врача нашего отделения. Я надеюсь, что Вера Геннадьевна примет к сведению замечания и исправится.

Он смотрит на меня. Ждет реакции.

Я молчу. Сжимаю руки в кулаки под столом, но на лице сохраняю спокойствие.

Собрание заканчивается, все расходятся. Кто-то бросает на меня сочувствующие взгляды. Кто-то – осуждающие. Кто-то вообще не смотрит.

Я иду к выходу, и тут меня останавливает одна из медсестер. Молодая девушка, которая работает в соседнем кабинете. Я почти не общалась с ней раньше.

Она оглядывается по сторонам и наклоняется ко мне.

– Ты не первая, – шепчет она быстро. – До тебя была Настя Сергеева. Она тоже ему отказала. Он ее выжил за месяц. Докладные, придирки, жалобы. Она не выдержала и уволилась.

Я смотрю на нее.

– Почему ты мне это говоришь? – спрашиваю я тихо.

– Потому что ты хороший врач, – отвечает она. – И я не хочу, чтобы он сломал еще одну жизнь. Держись.

Она уходит, не дожидаясь ответа.

Я иду домой пешком. Мне нужно время, чтобы подумать.

Шатров не остановится. Он будет придираться, писать докладные, собирать на меня компромат. Он будет давить, пока я не сломаюсь и не уйду сама.

Или пока не соглашусь на его условия.

Я не уйду. И не соглашусь.

Но мне нужна помощь.

Я вспоминаю слова Андрея Соколова: «Если что-то не так – вы можете прийти ко мне. В любое время».

Он говорил это серьезно. Я видела это по его глазам.

Но можно ли ему доверять?

Впрочем, у меня нет выбора. Если я ничего не сделаю, Шатров меня уничтожит.

Утром я прихожу на работу пораньше. Иду на четвертый этаж, где находится кабинет главврача.

Долго стою перед дверью, не решаясь войти.

Рука поднимается, чтобы постучать. Замирает.

Что, если он мне не поверит? Что, если он на стороне Шатрова?

Но я уже здесь. Я уже решилась.

Стучу.

– Войдите, – слышу я его голос.

Открываю дверь и захожу.

Андрей Соколов сидит за столом, просматривает какие-то документы. Поднимает на меня глаза.

– Вера Геннадьевна, – говорит он. – Садитесь. Что-то случилось?

Я сажусь и собираюсь с мыслями.

– Да, – говорю я. – Мне нужна ваша помощь.

Он откладывает документы и смотрит на меня внимательно.

– Слушаю вас, – говорит он спокойно.

И я рассказываю.

Говорю о Шатрове. О том, как он приставал ко мне. Как предлагал «обсудить все за ужином». Как я отказала. Как после этого началось.

Придирки. Докладные. Жалоба от пациентки, которая на самом деле была довольна приемом. Публичное унижение на собрании.

Говорю о Насте Сергеевой. О том, что она тоже отказала ему, и он выжил ее за месяц. Это было еще до его появления в больнице, при старом главвраче, но, считаю, что он должен об этом знать.

Андрей слушает, не перебивая. Его лицо остается спокойным, но я вижу, как меняется выражение его глаз. Они становятся жестче.

Когда я заканчиваю, он молчит несколько секунд. Потом говорит:

– Я проверю. Это серьезно, и я не оставлю данный инцидент без внимания.

Я выдыхаю. Похоже, он мне верит.

– Но мне нужны доказательства, – продолжает Андрей. – Конкретика. Даты. Свидетели. Документы. Вы готовы собрать все это?

Я киваю.

– Да, – говорю я. – Я готова.

– Хорошо, – кивает он. – Начинайте фиксировать все. Каждую придирку, каждое слово. Если есть свидетели – запоминайте имена. Если он что-то скажет или сделает – записывайте время и место. Мне нужны факты, чтобы начать служебное расследование.

Я снова киваю. Внутри меня появляется надежда.

– Спасибо, – говорю я.

И вдруг начинаю плакать.

Просто не могу больше сдерживаться. Слезы текут по щекам, я закрываю лицо руками, пытаюсь остановиться, но не получается.

Все накопившееся за эти дни – Кира, Марина, отец, Шатров, одиночество, страх – выливается наружу.

Андрей не бросается ко мне, не обнимает, не говорит дежурных фраз вроде «все будет хорошо».

Он просто встает, подходит к графину с водой на столике у окна. Наливает воду в стакан и ставит передо мной. Возвращается на свое место и спокойно ждет.

Постепенно я успокаиваюсь, пью воду и вытираю глаза ладонями.

– Извините, – говорю я хрипло. – Я не хотела...

– Не извиняйтесь, – перебивает он тихо. – У вас есть право на эмоции.

Он серьезно смотрит на меня.

– Я на вашей стороне, Вера Геннадьевна, – говорит он. – И я сделаю все, что в моих силах, чтобы разобраться с этой ситуацией. Но мне нужно время и ваша помощь. Договорились?

Я смотрю на его спокойное, сосредоточенное лицо.

Впервые за долгое время я чувствую, что не одна.

– Договорились, – говорю я.

На следующий день на утренней планерке я стою у окна в конференц-зале, пытаюсь сосредоточиться на своих мыслях. Соколов еще не пришел. Вокруг собираются заведующие отделениями, врачи, старшие медсестры. Я вижу Шатрова – он стоит у противоположной стены, разговаривает с кем-то из хирургов. Вчера после разговора с Андреем я весь вечер записывала все, что помнила. Даты. Время. Слова Шатрова. Кто был рядом. Получилось три страницы мелким почерком. Я отправила это Андрею на электронную почту поздно ночью.

Дверь открывается, и входит Андрей Михайлович. Все постепенно замолкают, рассаживаются на стулья вдоль стен.

Андрей проходит к столу в центре зала, кладет перед собой папку с документами. Его лицо серьезное, сосредоточенное. Он окидывает взглядом собравшихся, и на мгновение его глаза встречаются с моими. Я не вижу в них ни поддержки, ни сочувствия. Только деловую сосредоточенность.

– Доброе утро, коллеги, – начинает он ровным голосом. – У меня важная новость.

Все напряженно слушают.

– На следующей неделе в больницу приедет плановая проверка из Минздрава, – произносит Андрей, и я чувствую, как внутри меня что-то обрывается.

Ведь Кира работает в Минздраве.

Глава 18

Я сижу неподвижно, но внутри меня поднимается холодная волна паники.

– Все отделения должны подготовить документацию, – продолжает Андрей. – Истории болезней, журналы назначений, графики дежурств, санитарные книжки. Все должно быть в полном порядке. Проверка будет тщательной.

Вокруг меня начинается глухой ропот. Кто-то вздыхает, кто-то перешептывается с соседом. Проверки никто не любит, но это часть работы.

Но я не слышу этого шума.

Кира нашла меня и теперь она приезжает сюда.

Или это совпадение? Может, это правда плановая проверка? Может, Кира вообще не имеет к этому никакого отношения?

Я цепляюсь за эту мысль, как за спасательный круг. Да, плановая. Обычная. Такие проверки бывают каждый год, я же знаю. Минздрав большой. Кира не может контролировать все. Это просто совпадение.

Просто совпадение.

Но внутри меня все сжимается от страха, потому что я не верю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.